

ПРЕДИСЛОВИЕ К НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНИЮ

Со времени написания романов «Тульский — Токарев» и «Свой — Чужой» минуло полтора десятка лет. За эти годы изменилось очень многое — и в стране, и в мире, и в нас самих. Тем не менее, я считаю, что эти романы нельзя назвать устаревшими. Конечно, само Время, среду, в которых разворачиваются события, уже можно отнести к ушедшей натуре, но не они были первой производной творческого замысла. Эти романы прежде всего о людях, о человеческих взаимоотношениях и нравственном выборе. Работая над ними, я пытался добиться ощущения максимальной сопричастности к происходящему, с тем, чтобы по прочтении у читателя осталось послевкусие в виде невольного размышления о том, как бы он сам поступил, оказавшись в подобных ситуациях. Да, как автор я даю ответы на этот вопрос, но это вовсе не означает, что эти ответы правильные. В идеале читатель должен решить для себя сам.

Знаю, многие современные читатели воспринимают меня в первую очередь как создателя литературной основы телевизионной криминальной саги «Бандитский Петербург», действие которой разворачиваются на фоне лихих 90-х. Мне подобное восприятие не очень нравится. Но так оно сложилось, и при таком подходе можно сказать, что роман «Тульский — Токарев» — это, условно говоря, предисловие к 90-м, а «Свой — Чужой» — эпилог к ним. К слову, оба романа также были экранизированы, поэтому читатель, заботами загруженный или просто ленивый, может их не прочесть, а посмотреть. Но лично я от этих экранизаций не в восторге, мне кажется, в обоих случаях создатели так и не поняли основные идеи романов.

«Тульский — Токарев» — это история про Абсолютное Зло, с которым можно справиться лишь одним способом — всем миром навалившись. Да и тогда не факт, что получится. Плюс в данном случае мне захотелось поиграть в настоящего маньяка, так что этот роман — определенно рода фантазия, но фантазия, основанная на абсолютных реалиях ленинградского уголовного розыска. В этой связи мне было лестно узнать, что «Тульский — Токарев» стал в определенной степени культовой книгой в среде сотрудников уголовного розыска, чего я, признаться, никак не ожидал.

А вот «Свой — Чужой» это история про то, как заканчивается История. Здесь — не по-фукуямовски, а по... «бандитско-петербургски». Это время умирания недолгой (и слава богу!) эпохи, когда правили бал главари ОПГ и те сотрудники милиции, которые мало чем от этих главарей отличались. Это история о столкновении двух идеологий, о том, как трудно порой отличить «своих» от «чужих», о том, что в нашей национальной ментальности «соблазн товарищества» (по Толстому), свой или чужой подчас важнее, чем правда-неправда. А еще «Свой — Чужой» — это печальный роман о невероятном, «арктическом» одиночестве Героя, чего опять-таки не поняли создатели одноименного сериала.

*Андрей Константинов
Санкт-Петербург
20 декабря 2021 года*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Обычно предисловие к книге писать значительно легче, чем саму книгу,— оно и понятно: и объем поменьше, и задача — попроще...

Но в данном конкретном случае, честно скажу, я изрядно помучился именно с написанием предисловия. Нет, книга тоже давалась нелегко — и не мне одному, кстати, потому что роман «Свой — чужой», как и «Тульский — Токарев», мы делали вдвоем с моим другом еще с университетских времен Евгением Вышенковым.

Сразу хочу оговориться: «Свой — чужой» — это не продолжение «Тульского — Токарева». «Свой — чужой» скорее продолжение разговора на тему, поднятую в «Тульском — Токареве», но продолжить этот разговор мы решили в несколько ином ракурсе. Возникает вопрос — если разговор, то с кем, собственно? На этот вопрос ответить как раз легче всего — с Вами, Уважаемый Читатель, только с Вами...

С другими вопросами сложнее. Предполагается, например, что в предисловии автор должен кратко объяснить — о чем, собственно говоря, книга? Чтобы получить полный и развернутый ответ на этот вопрос, нужно просто прочитать книгу. Ну а если не прятаться за спасительную формулу: «Читайте роман, там все написано»? Если не прятаться — тогда, наверное, станут понятными мои сетования на то, что писать предисловие было трудно...

«Свой — чужой» — это не детектив и не боевик. И это не «производственный роман», где рассказывается о технологии внедрения сотрудника МВД в «мафию» и о технологии обратного процесса — внедрения человека «мафии» в МВД.

Мы с Евгением старались написать книгу о жизни, но так, чтобы ее интересно было читать.

Если коротко, то «Тульский — Токарев» — это роман о мужской дружбе и воинской доблести, а «Свой — чужой» — книга о мужской вражде и о столкновении разных «правд жизни». «Свой — чужой» в какой-то мере — роман о том, какой тяжелой и кровавой может быть дорога к раскаянию,

к попыткам понять, что мир не делится просто на «белых» и «черных».

Нам с Евгением хотелось рассказать историю о красивых людях, красивых, несмотря на то что каждый из главных героев — ошибается, ошибается каждый по-своему, но цена ошибки каждого — очень высока.

Наверное, книга в целом получилась грустной, хотя я надеюсь, что некоторые страницы заставят Вас, Уважаемый Читатель, и улыбнуться. Очень не хотелось делать очередную бандитско-милицейскую «штамповку» — и не авторам судить, насколько они смогли справиться с этой задачей...

Любопытна история написания романа «Свой — чужой». К этой работе нас с Евгением в какой-то мере подтолкнула одна очень уважаемая компания, производящая кинофильмы и телесериалы. Эта компания очень хотела в свое время купить права на экранизацию «Тульского — Токарева», но опоздала, договор был заключен с другой фирмой. И тогда мне было сделано необычное предложение, что называется «втемную», — предложение о приобретении прав на следующее, еще не написанное произведение... Такое в моей практике случилось впервые. Это обстоятельство нас с Евгением ко многому обязывало. Нам не хотелось подводить людей, поверивших в нас «авансом». Мы понимали, что в данном случае выкладываться нужно, может быть, даже больше, чем в обычном режиме.

И вообще, несмотря на то что сама задумка «Своего — чужого» появилась достаточно давно, — неизвестно, сколько бы мы с Евгением «раскачивались», если б не необычные предложения московских кинопроизводителей.

Мы надеемся, что в скором времени сумеем увидеть экранизацию нашего романа.

А напоследок скажу еще вот что: если какие-то эпизоды в романе «Свой — чужой» покажутся кому-то очень похожими на некие события, случившиеся в реальной жизни, — «делов не знаю», это всего лишь совпадения. И еще: не стоит усматривать в романе даже попыток некоего морализаторства...

*Андрей Константинов,
18 ноября 2004 года*

І. ЮНГЕРОВ

13–15 января 2000 г., Санкт-Петербург

...«Гости съезжались на дачу»... В принципе, эту историю можно было бы начать и так — в доброй классической манере, но... Но тогда сразу же, с первых же строк, пришлось бы чуть-чуть погрешить против истины. Дело в том, что гости не съезжались на дачу, — их свозили.

Маленькая такая деталь, но, как известно, именно в деталях и прчется дьявол...

Итак, гостей свозили на дачу... Впрочем, это была и не совсем дача. Это было... Черт его знает, что это было такое и какое именно слово лучше всего подходило к загородному... дому... нет, не дому... сооружению, принадлежавшему Александру Сергеевичу, — и опять же не Пушкину, а Юнгеру — «человеку и пароходу», известному в Петербурге все же чуть меньше, чем классик русской поэзии. Зато даже Пушкину, обладавшему, как и многие гении, даром предвидения и способностью опережать время, вряд ли бы (пусть и в творческих грезах) привиделась огромная домина господина Юнгера — четырехэтажная плюс один этаж под землей.

Строение это начали возводить еще в самом начале девяностых, когда вкусы и возможности даже у самых «продвинутых» в Питере были все же советскими. Потом вкусы и финансовые возможности начали меняться, а домину все строили и строили, меняя проекты на ходу. Грандиозное строительство, напоминавшее чем-то возведение пирамиды серьезным фараоном, не прекращалось даже после того, как хозяин сел в конце девяносто второго года. Сел господин Юнгер за «вымогательство

в составе организованной группы» и получил, между прочим, семь лет — а в те времена нужно было очень постараться, чтобы получить такой срок за вымогательство. Сия «чисто бандитская» статья в те лихие годы по сложившейся практике оборачивалась для привлеченной по ней братвы тремя (ну в крайнем случае — четырьмя) годами в приговоре. Но семь... Крепко, видать, насолил Юнгеров со своей командой кому-то наверху, поговаривали в бандитском Петербурге...

Освободившийся по УДО Александр Сергеевич влил новые деньги, энергию и идеи в возведение загородного особняка, и примерно за год до описываемого сейчас события «стройка века» в основном завершилась. «В основном» — так как совершенно она закончиться не могла в принципе: Юнгеров не позволил бы, ему все время приходили в голову новые и новые идеи разных переделок, дополнений и т. д. и т. п. Такой уж он неутомимый был человек, вечная стройка отражала состояние его души, и если строить было больше нечего, то Александр Сергеевич с тревогой ощущал признаки надвигавшейся меланхолии.

С учетом всего этого домина вышла, мягко говоря, необычной. Получился этакий поражающий воображение гибрид рыцарского замка, купеческого терема и современного европейского дома... Разумеется, все это великолепие было окружено огромным парком, границы которого очерчивали едва ли не крепостные стены и — берег очень красивого карельского озера. В парке, само собой, было полно разных бань, беседок, охотничьих домиков и летних кухонь — даже сам господин Юнгеров назвал бы точное число этих подсобных сооружений лишь после небольшой заминки.

Александр Сергеевич свое загородное имение называл «Аэродромом», что было неудивительно, так как его само в определенных кругах именовали Юнкерсом. Господин Юнгеров в последнее время, представляясь разным интересным людям — возможным партнерам и про-

сто состоявшимся личностям с нормальным чувством юмора,— величал себя «бывшим бандитом, а ныне — мирным магнатоолигархом». Если собеседник в ответ на такую саморекомендацию по-человечески улыбался, то он становился Александру Сергеевичу интересен и у знакомства появлялась взаимointересная перспектива — либо деловая, либо «отношенческая». С теми же, у кого Юнгеров после своей коронной фразы видел в глазах тень опасения, он старался знакомство не продолжать.

К рубежу тысячелетий Юнкерс подлетел не только с багажом интересной биографии. Мир изменился — изменился и Александр Сергеевич. Гангстерские войны, заливавшие Питер кровью в начале и середине девяностых, оттремели. Выжившие в них лидеры должны были становиться капиталистами, если хотели выжить «социально». Юнгеров быстро научился зарабатывать, а не «отбивать лавэ завтра». Ему стали интересны проекты с глубокой перспективой в будущем. Команда Юнкерса, не распавшаяся после посадки лидера и большинства его окружения, сумела перерастить из преступного сообщества в настоящую финансовую структуру. «Мы теперь — мирные люди,— шутил по этому поводу Юнгеров,— но у нас есть бронепоезд, он на ходу, а на каком запасном пути мы его прячем — мы никому не скажем»¹. Империя Александра Сергеевича включала в себя рынки и магазины, заводы и кинотеатры, она проводила престижные теннисные турниры и создавала фонды для математически одаренных детей. Биографию свою Юнгеров никогда ни от кого не скрывал и не пытался «подчистить», однако потратил достаточно сил, средств и нервов, чтобы питерские СМИ, после нескольких выигранных адвокатами Юнкерса судебных процессов, называли его не иначе как «авторитетным предпринимателем», а не «одним из лидеров бандит-

¹ Каламбур вокруг строчек известной советской песни «Калашник»: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути».

ского Петербурга». Да и вообще к двухтысячному году в Питере в определенных кругах вспоминать об «интересном прошлом серьезных людей» стало признаком невоспитанности. С Александром Сергеевичем считались, с ним имели дела и политики, и чиновники самого высокого уровня — а куда им было деваться? Обойти такую глыбищу было трудно... да и стоило ли? Империя Юнкерса платила государству колоссальные налоги, и государство эти деньги принимало... И все же... Иногда Юнгерову, несмотря на все богатство и на все возможности, которые даже и не снились обыкновенному человеку, чудился порой шепоток за спиной: «Бандит...» В глаза, конечно, никто ничего не говорил, но... Наверное, похожие ощущения испытывали раньше приписные дворяне, попав в общество столбовых,— все очень вежливо, но...

Стало быть, гостей свозили на «Аэродром Юнкерса». Свозили — не потому, что насильно, и не потому, что гости сами бы не смогли добраться — у большинства приглашенных, конечно же, имелись и собственные машины, а у некоторых — и персональные шоферы... Но — Александр Сергеевич не мог позволить гостям в этот день, когда по всей России празднуют старый Новый год, добираться своим ходом. Господин Юнгеров собирались гулять — и не просто гулять, а с выходом, заходом и чечеткой. Дело в том, что именно в этот день Александра Сергеевича угораздило родиться. И именно в двухтысячном году ему исполнилось ровно сорок лет. Надо сказать, что Юнкерс никогда свои дни рождения особо широко не отмечал, а иногда не отмечал и вовсе. А тут вдруг решил, и не просто решил, а «чтоб все взрослому было». Поэтому гости были предупреждены заранее о том, что за ними заедут, и о том, чтобы не рассчитывали откланяться ранее чем через день. По такому случаю отказать Александру Сергеевичу никто не смог, потому что собирал он не абы кого, а людей близких, почти родных, тех, кого любил и кто любил его. Причем приглашал Юнкерс персонально — без мужей-

жен, с которыми вопросы заранее «утрясались» — в каждом случае по-разному, но всякий раз без ущерба для приглашенного. Юнгеров и его люди умели объяснять и убеждать не только силой, но и обаянием.

Всех гостей свезли к «Аэродрому» почти синхронно и торжественно препроводили в огромную залу — кухню, стены которой были сложены из гранитных валунов. («Моя кухонька,— любил иногда похвастаться Юнкерс,— легко атомную войну переживет!»)

На стол, больше похожий на волейбольную площадку, поставили много всякого разного...

(Когда повар спросил, как накрывать, и начал было перечислять что-то, Юнгеров разозлился:

— Что ты мне своим образованием манерным тычешь?! Ты пойми: надо, чтоб с душой... Придут друзья, родные мне люди, близкие женщины... Надо, чтоб вот как... Не так, чтоб черную икру ложками, а... чтоб тоже ложками, но... Короче! Ты же у нас по границам учился? Ну и давай! Некоторые будут из небогатых, но надо, чтоб и они... Понял?

— Чего уж тут не понять,— вздохнул специалист по разным кухням, которому Юнгеров не разрешал лишь картошку на сале жарить, и отправился «колдовать». Колдовал он трое суток.)

Когда все расселись, хозяин встал во главе стола и обвел гостей глазами. Стало тихо. Александр Сергеевич вдруг потянулся с хрустом всем своим громадным сухим телом, смешно сморщил курносый нос. Прищурил зеленый глаз, провел рукой по коротким с проседью волосам, кашлянул и начал:

— Граждане!

По залу плеснул смешок. Александр Сергеевич чуть смутился, но тут же продолжил:

— Дамы и господа! Товарищи! Ну, не умею я речей говорить, дорогие мои. И вести себя прилично не научился — так, чтоб в собственном доме это органично получалось. Недолго позаставлять себя могу — это если

с чужими, а так... Но не в этом дело, и не об этом, как говорится, речь... Так вот: я вам всем верю. Люблю и верю, а потому верю, что не обидитесь... За столом сегодня все свои. И вы всё друг про друга знаете, конечно, хотя многие за одним столом оказались впервые... Так уж вышло... Я пару недель назад чего-то такое мямлил про то, что, дескать, сорок лет не отмечают, не справляют — не вправляют... А потом решил — какого черта?! Суеверия какие-то дикие, так еще недолго — и в гороскопы верить начнешь... И захотелось мне собрать всех у себя. Чтoб за моим столом, в моем доме, сидели и смотрели на меня те, кто мне не просто дорог, кто мне... помог. Помог искренне, и в тяжелые дни, и в светлые, помог как товарищ, как человек, который знает, что он прав по самому гамбургскому счету. Я рад смотреть вам в глаза, я вас всех обнимаю. И говорить сегодня буду я, и не потому, что я — это я... Я буду говорить искренне сокровенное про каждого. И тем самым самому себе подарок сделаю. Я во всем этом великолепии только идею подготовил, зато какую! Кстати, я не репетировал, так что... Черт его знает, с кого же начать... Ну не по алфавиту же... Мы же — люди! Вот буду просто на вас смотреть и говорить. Если получится что-то невпопад — простите и не хмыкайте... А пока — для заправки — приму-ка я в вашу честь... шампанского! Вы все знаете — я шипучку не пью. Но по такому случаю... Вот — урожай хрен знает какого года... Ну, дорогие мои, за вас!

Александр Сергеевич напузырил бокал через край, чокнулся с теми, до кого дотянулся, остальных обвел глазами и махнул драгоценную влагу залпом, а потом хрястнул хрусталем об пол. Все загомонили, зазвенели приборами, засмеялись и расслабились. Юнгеров куражливо помотал головой и, пробормотав известную присказку по поводу первой и второй¹, потянулся к пузатой бутылки водки:

¹ Известное российское застольное выражение: «Между первой и второй — перерывчик небольшой».

— А давай-ка мы, брат, водки треснем... А?

Эту фразу Юнкерс адресовал не кому-нибудь, а полковнику Крылову Петру Андреевичу, заместителю начальника уголовного розыска всего Петербурга.

— А то! — ухмыльнулся полковник. — Дай-ка бутылек...

Крылов был одногодком Юнгера, но — почти совсем седым. Седина ему, конечно же, шла. В Петре Андреевиче крепкая крестьянская жилка чувствовалась даже со спины. В драках он не «рукопашничал», а сразу целился в кадык, в разговорах при первом знакомстве всегда норовил чуть разозлить собеседника, чтобы понять его натуру. Злить же умел просто взглядом — прямым и твердым, как бревно в лоб.

— Нетушки, Петя, — Юнгер не позволил полковнику разлить. — Я говорю сегодня, я и ухаживаю... Специально лакеев разогнал. Сами как-нибудь справимся, если не передеремся... А что? Люди собрались разные, не факт, что все друг с другом ладят... Ничего, если какие-то трения — так это лишь до первой атаки...

Александр Сергеевич ловко наполнил два стопарика, которые когда-то называли «сталинками». Их ему специально нашли на толкучке, Юнгер и Крылов обожали пить именно из них. Крылов, надо сказать, вообще любил все «сталинское», а у Юнкера так проявлялась но-стальгия по деду — кадровому военному, «сталинскому соколу». Еще покойный дед ассоциировался у хозяина со стоявшим тут же, на «кухоньке», резным, метра три высотой, «генеральским» буфетом.

Держа в одной руке стопарик, Юнгер, умудряясь не расплескивать его содержимое, начал обходить остальных и разливать: вина, водки, коньяки и всякое разное остальное — кому что нравилось. Разливая, приговаривал, чтобы паузу заполнить:

— Вот это — это... один олигарх говорил, что круче нету... А это — это из Испании с уважением прислали — вроде бы какой-то гений любил... а это... это... хрен знает, что это, но, думаю, не отравимся...

Когда у всех было налито, Юнкерс поднял высоко свой стопарик и сказал весело, но с надрывом:

— Давай, ребята, закусь разбирай, чтоб быстро не напиться! Схряпаем это усе! Мы ведь можем и сало, лично я больше всего люблю жареную картошку с докторской колбасой, но! Но сегодня мы будем есть ЭТО! Вот так им всем!

Он заражал своей энергией — и аппетит просыпался даже у тех из гостей, кому поначалу и есть-то не очень хотелось, — да как удержаться в таком раблезианском, но очень русском разгуле?

— Пью за Петра! — Юнгеров опрокинул в себя стопарь, закусил чем-то с чьей-то тарелки, подышал носом и, пока все заедали тост, начал негромко рассказывать — впрочем, акустика в «кухоньке» была отменной, так что слышали все отчетливо каждое слово, даже на противоположном конце людоедского дубового стола: — Итак, Петр Крылов, прошу любить и жаловать! Первый он мне под руку подвернулся — стало быть, так тому и быть! А дело было так: много лет назад, в другой жизни, привезли меня в один таежный лагерь. Не скажу, что как падаль по грязи волокли, но и малиновые дорожки не стелили... Подустал я от всей этой пурги на корточках, от овчарок промозглых и вохры в вонючих тулупах. Чуть отоспался на новом месте — и зовет меня к себе кум¹. Ну, захожу. Захожу так — уважая себя, но настороженно. Мало ли... А вдруг — там устав такой, что с порога да в рыло? А за столом сидит человек, лоб трет устало. И спрашивает вдруг: «А чего это ты шапку в коридоре снял, а не при мне в кабинете?» Я молчу, руки на яйцах замочком сложив. Ну не за спиной же мне их держать, как мужику?! А он снова спрашивает: «Откуда и зачем?» Мол, не звали. А я ему: «Пришел за дело, но вину не признаю, да и не доказана она, кстати!» Он ухмыльнулся и зубом цыкнул:

¹ Кум — на лагерном жаргоне — начальник оперативной части.

«Чую, звонком¹ отсидишь». Я в ответ: «Не хотелось бы, конечно, но ежели именно так родине-матушке надо — готов пострадать, пика не услышишь!» Он: «Все семь?» Я: «На одной ноге, ежели поперло на характер!» Да... И вот посмотрел ты тогда на меня, Петя, по-человечески. Вот, дорогие мои, это как бывает, женщина на мужчину глянет через стол... и вроде бы муж не замухрышка рядом, а уже кое-что понятно... Я взгляд тот поймал и тоже глазами улыбнулся... А кум Крылов говорит: «Иди с Богом, отдыхай, впереди вечеров не счесть, успеем еще покалякать про всякое разное». И снова рукой лоб трет... Вот прямо как сейчас!..

И Юнгеров положил руку на плечо полковнику, действительно чуть смущенно потиравшему лоб. Крылов хмыкнул, схватил два ножа и начал осторожно делить ими на части какую-то диковинную снедь в тарелке — видимо, скатерть забрызгать боялся. Но все же забрызгал. Александр Сергеевич плеснул себе и ему водки, и они выпили — только вдвоем. Юнкерс крикнул:

— Хорошо пошла! Эх, была не была! Счастье — есть! Да... А потом, потом много чего было... Друг друга брали на «рры». Потом стебались друг над другом — интересно нам так было. Потом кофе растворимый пили до полуночи, рассказывая про жен и про не жен... потом резня была в шестом отряде из-за трехлитровой банки с коньяком... потом... потом мы друзьями стали и вместе много чего хорошего сделали для зоны. Ну... и для себя тоже. Короче, это вот — Петр Крылов — он меня на свободу вытащил! Кум! А мне так с ним понравилось, что даже и выходить не хотелось. Жалко расставаться было — ужас! Прямо хоть обратно за КСП² прыгай! И стал я тут кумекать. Напряг мозг. И — вытащил Петра из его тайги к нам в Питер. Непросто это было, а самым непростым — его

¹ *Отсидеть звонком* — на лагерном жаргоне означает отбыть весь срок «от звонка до звонка», т. е. без выхода на условно-досрочное освобождение.

² Контрольно-следовая полоса.

самого уговорить. Но — сладилось, и стал он у нас начальником, и притом любимым начальником у многих! Ой, сколько же он у меня крови выпил! Ты, Петр, лоб-то не три... Я не буду говорить о том, насколько в Питере меньше упырей стало,— многие наслышаны... Первого пойманного здесь душегуба-насильника он забил в мясо, сам чуть не сел... Да... Тот маньяк — вменяемый, кстати,— когда мальчиков насилует, то рвал им все... Простите, милые дамы, но как по-иному объяснить... Впрочем, которые за этим столом — сами не из слабо-нервных... Да, так вот тогда Петя все ж таки не сел — его внутренняя правда мира защитила...

Сидевшим за столом не надо было объяснять, что Крылов помог Юнгеру выйти на волю побыстрее не за деньги,— Александр Сергеевич никогда бы не посадил за стол среди своих купленного человека. Но Юнкерс все же решил сказать и об этом, словно отвечая на чьи-то злые шепотки:

— И если где какой-нибудь пес поганый лает, что, дескать, Крылов — человек Юнгера... Я и мои друзья — мы все хрястнем его по харе и скажем: «Врешь, животное, Крылов — человек, опер прекрасный и — друг Юнгера, а этого тебе, курица копытная, никак не понять!» Некоторые пытались... Ну, начальник ГУВД Крылову даже сказал как-то: «Ты, Петр, парень видный и незаменимый, а все же будь поосторожнее». А он поосторожнее — не стал! Нельзя дружить осторожно. Помнишь?

— Да всякое было,— Крылов усмехнулся и налил себе еще стопарь.— Я как-то одному коллеге сказанул, когда он объяснял нам, что тебя привлекать надо, правда, сам не мог четко сформулировать за что... Я ему так, по-уральски, в харю прицелился и говорю: «Юнгер не очень хочет, чтобы у него что-то эдакое нашли, и поэтому он сделал так, чтобы у него никогда и не искали...» Тот и не нашелся, что ответить. Сейчас, кстати, большой человек в центральном аппарате и с тобой в хороших отношениях.

— Володька, что ли? — усмехнулся Юнкерс.

— Он,— хмыкнул полковник.— Еще пальцем мне тыкал... Я ему сказал — пальчик-то побереги, сломаю...

— А что ж ты мне раньше-то не рассказывал?

— А велико ли событие? — приподнял плечи Крылов. Александр Сергеевич рассмеялся и махнул рукой:

— Ой, да не сбивай ты меня, бес... Я сам собьюсь... Да, многие начальники хороши хотя бы тем, что за деньги твои же тебе же зла и не сделают. А вот с Петром у нас совсем другая песня... Да, кстати, о песнях... Где песни?

Юнкерс покрутил головой, ища мажордома Гошу, бывшего оперного певца:

— Гоша, а где песни? Я тут распорядился немного, сейчас будут песни — правильные, наши песни!

«Кухоньку» закачал вальс «Амурские волны», сменившийся на «На сопках Маньчжурии».

Пять дней назад Юнгеров объяснял чesавшему затылок Гоше:

— На один диск собрать «Славянку», «Мы так давно не отдыхали», «Нас извлекут из-под обломков» и так далее... Ты же музыкант, Гоша, хоть и бывший. Ты общую интонацию уловил? А то тебя самого вместе с консерваторией из-под обломков извлекут. Привыкли, понимаешь, к попсе... Поставь раком все музыкальные салоны. Денег не жалеть. Чтоб за такие деньги они, в случае чего, сами и спели, и сплясали...

Александр Сергеевич выпил с Крыловым на брудершафт:

— Я обнимаю тебя, Петя! Я ни о чем не жалею! И не пожалею ни о чем! Я счастлив, что меня привезли в твой лагерь! А Хозяин¹, Хозяин-то у нас был какой! Ой! Ай! Как из кинофильма про ужасы тридцатых годов! В папахе, в тулупе, с портупеей, пьяный в хлам! Вспомнить жутко!

— Да ну тебя, Сергеич... аж озноб пробежал,— и впрямь поежился Крылов.— Уф... До сих пор...

¹ *Хозяин* — начальник лагеря.

— А все ж таки мы его на свою сторону убедили,— победно заулыбался хозяин «Аэродрома».— Недавно в гости приезжал...

— Да уж докладывали...— хмыкнул Крылов.— Хулиганство заминать пришлось... Витрины в китайском ресторане словно не бывало.

— В японском! — Денис, правая рука Юнкерса по жестким вопросам, поднял палец.— Что значительно дороже, между прочим! Тонна баков — это без праздника внутри и мусоров в территориальном.

Александр Сергеевич, вспомнив разбитую витрину, захохотал в голос. Отсмеявшись, утер слезу:

— Я, как его увидел — ласточкой стреноженного, так низкий поклон отвесил помощнику дежурного отделения, которому он этак — по-хозяйски — нос на сторону убрал... Спасибо, говорю, братец, от души порадовал... Нос-то недорого встал, в полсотни зеленых всего... А радости-то сколько было... Кричу Хозяину сквозь слезы: «Гражданин начальник, тут вам не лагеря, в Питере нельзя в харю без разбору тыкать». А он рычит: «Сопли утри мусоркам своим питерским! Двадцать минут старика вязали. Да конвой за это время этап до Перми проволочь может!» Ой, беда была...

За столом между тем постепенно делалось шумно. Денис Волков уселся и развалился поудобнее. В него уже не очень лезло, но он норовил еще попробовать по кусманчику с каждого блюда.

Денису было немногим больше тридцати лет, и он был красив редкой мужской красотой, не имевшей ничего общего со смазливостью. С такой внешностью ему надо было бы играть положительных героев в фильмах, но, когда он открывал рот, многие удивлялись некоторому несоответствию между его речью и внешностью. Впрочем, в последнее время это несоответствие стало сглаживаться — после того как Юнкерс объявил о «демобилизации» своей бригаде братков и о том, что ему нужны теперь не бойцы, способные съездить на десять «стрелок» в день, а грамотные

менеджеры, юристы и экономисты. Денис пошел учиться. И не куда-нибудь, а в университет. Вот только факультет выбрал несколько неожиданный — географический. Когда его спрашивали о причинах такого странного выбора, Денис отвечал, что, мол, бабка его всегда говорила, дескать, нормальный человек должен хорошо знать географию. Он это говорил всерьез, хотя многие воспринимали сказанное как шутку. Бабушку свою, дочку врага народа, Волков очень любил. Дед его, с малолетства мотавшийся по лагерям, познакомился с ней в Сусумане. Странно, но лагерный оголец и девушка из интеллигентной семьи с корнями всю жизнь крепко держались друг за друга, и от их союза родились красивые и сильные дети, обладавшие необычными способностями. Часть этих свойств от отца, видимо, перешла к Денису. Волков, например, ни разу в жизни не обращался к дантисту, а клыки у него были — как на рекламных буклетах. Он ими иногда открывал пивные бутылки. У него не закладывало уши во время перелетов на самолетах. Денис абсолютно не боялся щекотки и мог смешивать любую пищу — кефир со шпротами или дыню с хреном. Он не потел в жару, не дрожал в холоде и мог целый час не моргать. Еще он умел двумя пальцами ловить на лету муху. Однажды он на спор проехал на машине за рулем весь Невский — маленькая деталь — с завязанными глазами. Маневрировал он по голосовым командам рядом сидевшего приятеля, взопревшего от напряжения. Да, при этом он еще и курил. Фактически Денис руководил оставшейся при Юнкерсе маленькой личной бригадкой, но, поскольку дел для нее в последнее время находилось немного, Александр Сергеевич еще использовал Волкова как адъютанта для сложных поручений и как человека, способного заткнуть собой любую дыру в империи. Однажды Денис даже руководил целым заводиком — месяца полтора, пока не нашли приемлемую кандидатуру в директорское кресло. Как-то раз Волков сказал: «Если будет надо, я могу и „маленького лебедя“ на сцене станцевать без подготовки. Вот только за реакцию зрителей не ручаюсь».

Юнгеров почти никогда не видел его выпившим и сейчас смотрел на него, чуть захмелевшего и подпевавшего грянувшему из динамиков «Варягу», с умилением: «Друг ты мой дорогой, сколько ж ты натерпелся от меня! Я сейчас расскажу друзьям про золото... Не про то, что в слитках в федеральном хранилище, а про неровного, шершавого самородка, про тебя, дорогой ты мой...»

Александр Сергеевич вдруг улыбнулся, вспомнив про то, как Денис сел. У него и посадка вышла странной: за несколько дней до того, как замели самого Юнкерса с ближним кругом, машину Волкова зацепили своей разбитой «девяткой» два каких-то полублатных черта. Остановились. Блатари решили завиноватить франта в белой рубашке и вынули ножи. Денис вынул ножку от стола, которую всегда возил с собой. Взмахнул он ею всего два раза, потом долго вздыхал, глядя на трупы, потом вызвал милицию. Так что в «Крестах» он оказался чуть раньше всей остальной «грядки» и как бы отдельно от «коллектива» Юнгерова. В том смысле, что его не привязывали к банде (видимо, из-за неразберихи и несостыкованности в картотеках различных служб), а просто вломили «превышение необходимой обороны». В «Крестах» он провел полтора года и на свободе оказался раньше всех, так как суд, признав его виновным, постановил «ограничиться отсиженным». Денис потом смеялся: «Правду, значит, говорят, что раньше сядешь — раньше выйдешь».

Александр Сергеевич положил руки Денису на плечи и сказал громко, для всех:

— Волков Денис, он... Помните, как Джон Сильвер представлял свою бригаду... тьфу ты, команду: «Посмотрите на эти лица, это все — опытные моряки...» Да... А вы гляньте на его лицо — это вам не бычье в «мерсаках». В нем искорка есть, за то и бабы любят! Ален Делон! А я его как личность увидел, дай бог памяти, еще в далеком восемьдесят восьмом году. Они тогда — молодежь наша боевая — решили на Валаам прокатиться, ну и, конечно же, нашли какую-то такую же братву на

теплоходе... Ой! Что там было! Даже баграми кидались... Короче, с корабля их снимали с ОМОНОм... Но история-то на этом не закончилась. Дело в том, что эти пацаны разбили Денису плейер, стоивший восемнадцать долларов США... Ну, естественно, забивается «стрела»... Тогда правила такие были. Хорошо, я вовремя узнал — меня как током дернуло. Я и с татарской стороны Ноиль Рыжий успели приехать к разбору. Денис орет казанцу: «За плейер ответишь — едем в лес вдвоем, одна машина, две доверенности, одна лопата, два ножа! Ну!» А «казанский»-то тоже с придурью, щекой дергает... Ноиль уж на что сам отморозком был (царствие небесное, застрелили его в девяносто втором), а головой так покрутил, сигаретой затыкнулся и тихо-тихо говорит: «Хорошо. Я куплю ребенку плейер...» Во были времена! Во — Денискины рассказы! А потом, когда Денис вышел, а меня еще в лагерь не отправили, — мы тогда на Лебедева¹ тусовались. Денис подъехал и с гаражей соседних мне кричит по поводу одной острой тогда темы: «Александр Сергеевич, не волнуйтесь, я решу вопрос!» И показывает над головой гранатомет! У меня чуть инфаркт не случился! Еле утихомирили его, чтобы он не нарушал ничего сторяча-то... Сам ведь только-только освободился — и с гранатометом по городу! Иногда мне кажется, что мы тогда жили в одном из кругов ада, но зато дышали полной грудью... А Денис стал одной из моих рук — не знаю, правой или левой, но рука эта называется «любой ценой!» Есть у него приписка про дверь... Скажи-ка мне ее, Дениска, еще раз, вместо тоста!

¹ На улице Лебедева расположен изолятор предварительного заключения, называемый также «женским» и «детским». Но в него попадают и взрослые мужчины — при наличии связей, так как условия содержания там считаются лучше, чем в «Крестах». По многочисленным свидетельствам, те, кто сидел там из «взрослых» в середине 90-х, практически беспрепятственно общались с волей — некоторые даже и за ворота выходили.

Волков встал, одернул пиджак, сидевший на нем, как на известном шоумене, и поднял красивую пузатую рюмку с коньяком какой-то умопомрачительной выдержки:

— Если нет ключа — надо добыть отмычку, если отмычка не открывает — надо выломать дверь, если дверь не вышибается — надо снять ее с петель, если петли внутри — надо уронить стену. Все. Маленькое дополнение — это если надо любой ценой и если это надо тебе. За тебя! — Денис выпил и сел под общий смех и аплодисменты. Юнгеров надулся гордо, будто аплодисменты сорвал он сам:

— Во как! Видали?.. Я... мне легко вспоминать те годы, ту прошлую жизнь, когда мы много чего наколосорезили... Легко потому, что от крови удержались и народ по параднякам не валили. Бог упас от душегубства, хотя вокруг такая резня стояла! Трудно было в крови не запачкаться... А вот пронесло. И я очень хорошо помню, как еще до посадки собрал всех своих и стал объяснять, что надо жить мирно и что убивать мы не будем... До тех пор пока не убьют кого-нибудь из нас... В этот момент под сводами зала грянула песня «Каким ты был, таким ты и остался». Денис, улыбаясь, стал подтягивать. К нему присоединились остальные гости. Юнгеров вздохнул и сказал тихонько — не то чтобы таясь, а просто не во весь голос:

— Я, Дениска, помню, как ты после того моего выступления пришел ко мне и сказал: «Спасибо, Александр Сергеевич!» Я: «За что?» А ты: «А за то, что мы вроде как мирные люди и все такое... Ведь в случае чего валить-то бы мне пришлось. Спасибо. Но вы не сомневайтесь — если надо, я сделаю... если очень надо...» Спасибо тебе, Дениска... Я тогда и тебе, и себе пообещал: хорош, давайте начинать жить по-людски! Я обещаю тебе, Денис, мы не будем больше ронять стенки. Мы найдем, купим, воспитаем специалистов, которые нам культурно этак откроют дверь. А за дверью будет накрытый стол, где нам не будут тыкать в харю нашим прошлым... Хотя, конечно, сколько волка ни корми, а шакалы все равно найдутся!

— Не! — закричал сидевший напротив Евгений Шохин, гендиректор одной очень известной питерской фирмы, некогда носивший псевдоним Женя Маленький.— Лучше так: сколько волка ни корми, а у медведя все равно толще!

Стол грохнул хохотом, и Юнгеров пошел к Жене, по дороге наваливая всем подряд на тарелки всякую снедь горстями и — наливая, наливая, наливая... ему было хорошо, его несло:

— На юбилеях принято много слов хороших говорить юбиляру, как о покойнике, — либо хорошее, либо ничего. Но я-то еще жив! И поэтому говорю я сам, и говорю правду, и она мне нравится!

Наконец он добрался до Шохина, тот вскочил, чокнулся с Юнгеровым и, перед тем как опрокинуть в себя граммов сто (долларов на двести), крикнул:

— Гвардия выпивает, но не сопьется!

Стол согласно ухнул в ответ. Александр Сергеевич обнял Шохина:

— За тебя, Женя, за мою гвардию! Пару слов, маэстро...

Музыку кто-то притушил, и голос Юнкера разлетелся по залу:

— Женя — это отдельная история... Он присоединился к нам в самую лихую годину — почти все сели... В общем — прижали нас к реке и накрыли пулеметами. Вокруг Антанта, Мурманск сдан, хозяйство трещит и начинает рушиться... Вот тогда Женя и появился, как черт из табакерки, говорит — хочу с вами, вы — правильные, я лучше с умными потеряю... И коллектив свой небольшой привел... Мы даже сначала, грешным делом, решили, что прокладка¹ чья-то... Так ведь не бывает... Ан бывает! Ты выиграл, Женя! Он, кстати, настоящий предприниматель, Божьей милостью. У него всегда порядок,

¹ *Прокладка* — на бандитско-милицейском сленге — агент, «засланный казачок» и т. д.

как в операционной. Дайте ему и его людям Дрезден в руинах после американской бомбежки — и он сделает из него место экскурсионного обслуживания! Сердце воина, ум бухгалтера! Он всегда мне вместе с деньгами приносил отчеты, я злился: «Какого черта, если я вам перестану доверять, то все — приплыли!» А он все равно приносил, потому как порядок есть порядок! Обратили внимание, какие универсамы в городе стали? Это его заслуга! Я ведь могу только завоевывать новое пространство, а его еще нужно осваивать и обживать... Кто-то, может, считает, что осваивать и обживать — это женская функция... Я вам сейчас расскажу про эту «женщину»! Порезали как-то нашего парня... Давно это было... Хочется сказать — так давно, что мне это рассказывал мой дед, а ему — его дед, а тот слышал это от самого Чингиза! Да... Приехал Женя с этой темой к нам в тюрьму, мы сидим, обсуждаем — трем... А Женя молчит, молчит... Он и тогда выглядел, как богатый английский физик. Однажды его даже с принцем Чарльзом перепутали... И вот сидит этот «принц» и говорит: «А чего гонять-то, эти уроды в „Астории“ часто сидят, ну, я захожу в кафе и спрашиваю их старшего в лоб, берет ли он на себя ответственность за ту резню. Если он отвечает, что берет, я бью его в башню железом, а там посмотрим, как оно сложится!» А?! Каков!! Женя, я целую твое сердце! Я так рад, что ты остался несудимым — с твоим-то характером!

Над столом дрожал воздух. Кто-то запел «Там вдали за рекой». Подхватили хором — и получилось очень душевно, как на студенческих посиделках. Гости уже ели по-семейному, плюнув на манеры и этикет. Кто-то вкусно облизывал пальцы, причем не себе, а соседке, кто-то радовался, что горячий бараний жир стекает с подбородка прямо на итальянский шелковый галстук ручной работы. При этом — странное дело — никто не становился похож на загулявшее новорусское быдло.

Между тем Юнгеров поймал взгляд симпатичной тридцатипятилетней дамы в смелом декольте — а

демонстрировать ей было что. Явно будучи уже навеселе, она хулигански провела язычком по верхней губе, глядя Юнкерсу прямо в глаза. Александр Сергеевич ринулся к ней, схватил рукой за шею, запустил пятерню в густые золотистые локоны и поцеловал крепко. В этой крепости, однако, было не очень много эротики, скорее больше ощущалась благодарность к бывлой страсти — уже погасшей. Почти.

— А вот Лариса... Она... Когда-то, когда еще на бензоколонках не хватало бензина, мы лихо подъехали к заправке, где она работала королевой. И я увидел в окошечке красивую женщину, которая плакала и от этого была еще красивее... Выяснилось, что и до этой бензоколонки, у самого Смольного расположенной, бандюги добрались, а мы тогда очень не любили бандитов, потому что сами были ими... Денис и его люди сумели уладить вопрос без стрельбы... Помнишь, Денис, ты ворвался в какой-то офис и ногой пробил «одиннадцатиметровый» прямо в голову какому-то уроду?

Денис заломил бровь, вспоминая, и неуверенно спросил:

— Это, кажется, на Рубинштейна было?

Юнкерс пожал плечами, продолжая смотреть Ларисе в глаза:

— ...Так пох... Бог с ними, с бандитами этими. Я о другом. Когда меня с Лебедева дернули в лагерь на этап — я, сидя на корточках, вдруг увидел, как ты, Лариса, стоишь на перроне — на грязном, заплеванном перроне, — плачешь и крестишь меня... Крестила, по моему, наоборот, неправильно, но какая разница, листва все это... И вот ты тогда на перроне — а я не ждал, не знал... В общем, и это тоже дало мне силы выжить. И я рад, что ты есть, что ты здесь, рад всему, что было...

У Ларисы, ныне директрисы очень крупного модного магазина, глаза набухли слезами. Они с Юнгеровым никогда не клялись друг другу в верности и... В общем, отчасти и ее сексуальные похождения за время отсидки

Юнкерса (а ему, конечно же, рассказали) решили судьбу бурного некогда романа. Но — только отчасти. На самом деле Александр Сергеевич ни с одной женщиной вместе долго не выдерживал — даже с самой-самой. Он эту свою черту знал и, когда она проявлялась, чувствовал комплекс вины, раздражался, причем раздражение выплескивалось именно на ту, которая в данный момент находилась рядом...

Лариса хорошо понимала Юнгера, иллюзий никогда не строила, может быть поэтому и спала легко с другими мужиками, пока он сидел. Слова, публично произнесенные Александром Сергеевичем, значили для нее очень много — это было словно прилюдное объяснение в любви, словно возведение ее в некий особый статус. Почти что в статус бывшей жены. Кстати, Лариса была замужем — все время знакомства с Юнгером. Разводиться она не собиралась, ее муж, шофер-дальнобойщик, был хорошим человеком и очень любил сына. Ну и жену, конечно, тоже. Нет, жену он почти боготворил. Юнкерс еще раз посмотрел Ларисе в глаза — и в этом взгляде было столько всего, что сидевшие рядом даже притихли. Александр Сергеевич постарался улыбнуться:

— Мы, Ларисон, недавно с тобой поругались крепко на одну производственную тему... Подраспустила ты девиц в своем магазине — им из-за маникюра уже некогда клиентами заниматься... И будем ругаться еще... Но... То, что я сказал до этого,— главное. Оно перевесит все. Спасибо тебе.

— А может, я до сих пор по ночам в подушку плачу? — не без вызова, полусхусть-полусерьезно тряхнула волосами Лариса. Заодно и грудями атмосферку всколыхнула — мужики же вокруг были не слепыми.

— Нужен я тебе! — попробовал отшутиться Александр Сергеевич.— Вокруг молодые ухажеры... Ты ж в цвету вся!

— Дурак ты! А я... я тоже рада всему!

— Ну и ладушки, ну и мир... Свои же люди! Да, чтоб ты рожки не корчила, скажу: если б ты тогда на перроне на коленях стояла — не поверил бы в искренность.

— Это почему?

— В восторженность не верю.

— Ну и дурак!

— Дурак не дурак... Лариса, ты всегда для меня останешься особенной. Только с тобой можно было нарушать все заповеди Божьи одним махом! А помнишь, как в мастерской у художника... Ты напилась тогда и, голая, танцевала под «Вологду». Я с тех пор эту эротическую песню спокойно слушать не могу! «Девять с половиной недель» погулять вышли.

— Спасибо тебе, Санечка, хороший мой.

Чтобы не заплакать, Ларисе пришлось залпом выпить полфужера крепкой граппы — она перебила грусть.

А Юнгеров уже ухватил за щеки бывшего своего одноклассника Вадима Колесова:

— Вадик, дружище Ва-а-дик! Чего притих — обожрешься! Вадик — наш капиталист. Не барыга, не делец — капиталист. Ходячий капитал. Если пропустить графики и диаграммы, то увидим его суть. А суть такая: когда меня этапировали в уральские леса, через пару месяцев на Урал прибыл и Вадик! Он тогда еще такими деньжищами, как сейчас, не ворочал, но в пищевой промышленности вес уже имел солидный. Так вот: приехал Вадик на Урал, ходил по колено в говне и по горло в проблемах, но... Местные пищевики популярно объяснили местному ГУЛАГу, что будет, если в лагеря, например, перестанут поставлять в долг подсолнечное масло и крупу. В итоге меня резко перестали трогать, согласно каким-то там (а на самом деле я очень хорошо знаю — согласно каким) указаниям. Сначала трогать перестали, потом перестали обращать внимание... Из уха в ухо передавали: «Не трожь Юнгерову, а то на Урал снова страшный Вадик приедет — как комиссар». Милый ты мой, я ведь знаю, я очень хорошо понимаю, каких это тебе нервов и сил сто-

ило... Потом, помнишь, у тебя еще документы украли и ты с такими матюками до Питера добирался! Эх! Дорогой ты мой теоретик капиталистической законности...

— Чего уж там,— шмыгнул носом в громадную хрустальную пивную кружку польщенный Колесов.— Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!

— Твоя правда, дружище! Мы же с Вадиком двоичниками на одной парте с первого по десятый... А это дорогого стоит... В десятом мы мечтали о сигаретах «Антарктида» — они были с жутким таким белым фильтром, и ввиду полной неприемлемости цены казались нам верхом шика... Все было: педсоветы, двор, салюты и драки на них... Потом — вихрь перемен, первые ларьки, ушел госстрах, пришел братаножас. Мы не думали — не успевали, дрались за жизнь и помогали друг другу, и все понимали, как легко не дожить, и поэтому не говорили об этом... И мы дожили. Дожили! Теперь вон там, у окошечка, стоит специальный короб, в котором поддерживается определенная температура и влажность. В этом коробе — сигары со всех концов света. Скатанные вручную, между прочим. Проблема в том, Вадим, что мы с тобой их не любим и не курим. И «Антарктида»-то наша — она была повкуснее.

— Сто пудов! — согласился Вадим и тут же вынул из кармана пиджака кожаную книжку с золотым обрезом, что-то черкнул в ней.— Я дам задание — найти «Антарктиду»... ящик — и привезти.

— По рукам!

С другого конца стола Денис, краем уха услышавший что-то про Антарктиду, крикнул:

— Если к пингвинам надумали — меня не забудьте!

— Тебя забудешь, как же... Себе дороже.

Между тем гости начали уже и местами меняться, и кучковаться по интересам — Крылов, тот присоседился к Ларисе и заворуженно смотрел на ее шею, чтобы не упираться взглядом в грудь, а та в ответ кокетливо поводи́ла плечами — да, мол, между прочим, очень даже и...

А хозяин имения все говорил и говорил. Но говорил складно, грубо, но романтично. Его слушали с человеческими улыбками. Он тронул всех: и сотрудника ФСБ, который сначала стеснялся больше всех, а потом (через триста граммов) перешел на мат и уже на нем только и изъяснялся, причем никому это слух не резало; и директора небольшого магазина, который много лет назад оказал Юнгеру такую услугу, что... черт возьми... и сказал, что за это ему ничего не надо; и своего тренера, который когда-то вытащил пацаненка Сашу с набережной и начал учить азам жизни, которого — единственного на свете, Александр Сергеевич называл ШЕФОМ; и водителя, который всегда молчал, а если уж что происходило, говорил: «Дела!» — что равнялось длинной нобелевской речи (этот водитель был когда-то танкистом, во время войны в Приднестровье подбил что-то не то, и его объявили в розыск как преступника. Юнгер его принял и спрятал и верил в него, как в Луну, — в том смысле, что она никогда никуда не денется с неба); и еще очень-очень многих...

Отдельные слова Юнгер захотел сказать о сидевшей очень тихо и скромно следователе прокуратуры Ольге. Впрочем, тихо и скромно она сидела недолго — аккурат до тоста Юнгера:

— Прошу тишины!

Зал смолк, взгляды скрестились на уже чуть покачивающемся Юнгерове, который — немыслимое дело — вдруг изящно изогнулся и поцеловал руку следователю.

— О как! — оценил жест сидевший рядом с Ольгой черноволосый парень, в котором гости (некоторые с удивлением) узнали известного питерского журналиста Андрея Обнорского.

— А ты, Андрюха, думал небось, что так только ты умеешь? Ладно, сейчас не о тебе, сейчас об Оленьке... Джентльменов не прошу встать только потому, что некоторые уже того... подустали... Так вот. Ольга. За этот «праздник» я плачу отдельно. Ты, Оленька, не

обижайся... Мы познакомились, когда она в свою районную прокуратуру решила меня вызвать свидетелем по какому-то там делу. Я, конечно, посмеялся и отмахнулся — времени нет свидетелем ходить и все такое. Но она меня достала. Меня! Дело дошло почти до привода с милицией. Меня! А вопрос-то какой-то говенный был — знаком ли был я с неким убиенным, которого я на самом деле последний раз видел лет за семь до того, как его, неугомонного, к облегчению многих повзрослевших людей, застрелили два его же дольщика. И дело-то раскрыли быстро. Но Ольга Дмитриевна допросила полгорода. Всех достала — ей исчерпывающая картина нужна была. Это я потом узнал. А тогда, когда я злющий-презлющий к ней в кабинетик ввалился, решил, что это меня, так сказать, персонально власть снова повоспитывать решила. И с порога ей: «Деточка, может, я тебе просто нравлюсь и ты так вот познакомиться со мной хочешь? Так скажи прямо, я люблю, когда тетеньки в форме...» А она мне: «Если вы считаете, что мне нравятся богатые жлобы, то напрасно. Берите стул, садитесь. Фамилия, имя, отчество, год и месяц рождения!» Я аж рот раскрыл. Вот так, слово за слово, и подружились. И когда я ее о чем-нибудь прошу, а прошу частенько, то чую, как Оля встает на лыжню. Она же мастер спорта, лыжи, дальние дистанции. Ее можно попросить и забыть. Она до цели дойдет. Я уже вспоминал «Остров сокровищ», помните, Сильвер жути нагонял: «Все боялись Флинта. Все боялись. А Флинт — боялся меня». Так вот — я боюсь Олю. Как-то раз она решила, что я — неправ. Так вот: ногой была выбита дверь, за которой я лежал в постели с женщиной. Страшно подумать, что бы получил кто угодно, кроме нее, за подобный фортель. А тут я просто смотрел в потолок, слушал ее ор и улыбался, радуясь, что жизнь устроена так интересно.

— Идиот! — фыркнула, все выдержав, в бокал с вином следователь Оля, чем полностью подтвердила все вышесказанное.

— У-у, вы какая! — умильно взглянул на соседку журналист Обнорский, уже хорошенький от своего любимого джина.— А с виду — так очень даже скромная, тургеневская, я бы сказал, дама... Между прочим, я в журналистике в основном криминальное направление осваиваю и... И мне тоже очень нравятся красивые тетенки в форме. Особенно в прокурорской. Я...

— Да подождите же вы, святой отец! — прервал Юнгеров этот «заезд по ушам».— Погоди, Андрюха, к Ольге приставать, дай про тебя скажу. Тебя, конечно, и так все знают.

— Знаем, знаем! — с разными интонациями закричали с разных концов стола. Обнорский по-брежневски помахал рукой, вздыхая с напускной скромностью, адресованной явно той же Ольге: дескать, да, известен, да, популярен,— но, боже, как же я устал от этой славы...

Юнгеров хмыкнул:

— Знаете, да не все! Многие в городе голову ломали — почему это у Юнкерса такие отношения с Обнорским странные,— этот журналист про него такого-сякого в своем «Бандитском Петербурге» понаписал, а они при встречах ржут и обнимаются... А мы с Андреем вместе борьбой занимались. Он помладше меня года на три, но... В общем, был случай. Были мы на югах, на сборах спортивных. Андрюха тогда еще только в десятый класс перешел. Тренеры куда-то разъехались, ну и мы, старшие, решили винцом домашним разжиться, расслабиться чуток. Кинули жребий — идти мне выпало в горную абхазскую деревушку. А одному — скучно, вот я и молодого прихватил — Андрюху, стало быть. Взяли три трехлитровые банки. А до деревеньки-то километров семь с гаком, это если не по шоссе, а по горным тропинкам. Ну и на обратном пути оступился я, банку с вином разбил, ногу вывихнул, да еще огромный кусок стекла себе в ступню засадить умудрился. Так Андрюха его руками вытащил, ногу мне майкой своей перетянул и километра три меня на закорках пер. И две свои банки с вином! А сам-то

худенький тогда был, как подо мной не сдох — до сих пор не понимаю! Как у меня шрам на ноге зачесется — так, Андрияха, тебя вспоминаю. Вот он, шрам-то!

И Юнгеров, сорвав с правой стопы ботинок и носок, легко задрал ногу и, вращаясь на одном каблуке, продемонстрировал собравшимся длинный толстый шрам на ступне.

— Bravo! — закричала Светлана Шереметьева, балерина, известная не только в Питере, но и во всем мире. Было непонятно, к чему относился ее возглас, — то ли к героическому поступку молодого Обнорского, то ли к способности Юнкера крутиться на одной ноге.

— То-то и оно, что «браво», — согласился с ней Юнгеров, ловко надевая обратно носок и ботинок. — Ну, потом наши дорожки немного разошлись... А когда Андрияха из своих странствий по Ближнему Востоку вернулся — я же его к себе в коллектив звал. Помнишь?

— Помню, — хмыкнул Обнорский. — Обещал мне, что я через пару месяцев на «мерседесе» ездить буду!

— И ездил бы! — убежденно кивнул Александр Сергеевич. — Если бы согласился... Сел бы потом с нами, как человек, потом бы по-человечески вышел... Но — не согласился. Сказал: «Я в последний раз хочу попробовать по-честному!» Ну и... Нашел себе приключений на жопу. Мимо лагеря все равно не проскочил, но и сел не по-людски, вообще ни за что, потом откинулся не по-людски — с полной оправдаловкой и горячими извинениями от властей¹. Ну а итог вы все видите. Популярность и все такое... Кстати, он в своем «Бандитском Петербурге» обо мне почти ничего и не переврал. Более того, почти четверть из того, что там есть, я же ему и рассказывал. Больше, конечно, не о себе... Так, надеялся втайне, что

¹ История приключений журналиста Обнорского изложена в книгах «Адвокат», «Журналист», «Сочинитель». Обстоятельствам же его посадки и последующего оправдания посвящена книга «Арестант».

своего источника-то он расписывать не будет. Расписал. Придаться не к чему — он своих намерений не скрывал, а мне в то время все по барабану было. Теперь-то мне, конечно, такой «пиарчик», мягко говоря... Но из песни слов не выкинешь, что было, то было.

— Это все уже история,— засмеялся Обнорский.— Ее исправлять — дело безнадежное. Мы все помрем, а истории наши потомкам достанутся.

— Во! — потянулся к нему с рюмкой Юнгеров.— Давай, чтобы наша история была долгой-долгой... Чтoб еще успели выправить то, что в молодости накосячили...

...Всем было уютно и хорошо. Для большинства многое услышанное о соседях по столу было в новинку, но в новинку приятную. Пошли братание и перебирание общих знакомых...

...Юнгеров, уже изрядно покачиваясь, добрался до самого конца стола — там сидел Егор Якушев, молодой парень, закончивший юрфак. Егор еще не успел ничем особенным отличиться, но он старался, и глаза его горели. Александр Сергеевич относился к нему как к сыну, потому что был в свое время очень близок с его покойным отцом. Юнкерс потрепал мальчонку по жестким русым вихрам, заглянул в серые серьезные глаза, нажал большим пальцем на кончик тонкого, с легкой горбинкой носа:

— Бип! Барин дома?

— Дома! — откликнулся на старую игру Егор.

— Бип! Гармонь готова?!

— Готова!

— Бип! А поиграть можно?

— Можно!

Юнгеров схватил парня за уши и начал легонько подергивать их в стороны, словно гармонь:

— Трам-даридам-дидари-дари! Эх, Егор Валерьевич, уверен, что пройдет время, и смогу я о тебе вот так же сказать: «Вот человек из эпоса! Он ошибался, но рисковал! Он строил наш храм! А храм наш будет с крестами... Мы же с тобой одни фильмы любим! Ты же свой?!»

— Свой,— чуть сухова­то ответил Егор, но сухо­ва­тость эта объ­яс­ня­лась чуть пересохшим от волнения горлом. Егор почти единственный из присутствовавших практически не пил ничего спиртного — его пьянила атмосфера.

Отец Егора — известный в прошлом спортсмен Валерий Якушев по прозвищу Волга, был застрелен первым в той большой пальбе, которая началась в Питере в 1991 году. Волга был в коллективе Юнкерса, и не на вторых ролях. Как-то раз они вдвоем отобрали у «челнинских»¹ машину, которую те отняли у их кооператора. А потом на проблемную по этому поводу «стрелку» Волга поехал один. Он был очень дерзким. Как ни странно, его собеседник тоже приехал один. Ну и Волга слегка перебрал со своими вечными издевками. Когда собеседник почесал грудь под курткой, Волга подколол его: «У тебя что, сердечко, что ты за грудь-то держишься?!» Визави молча вынул наган, мол,— не сердечко. Волга перешел на нажим: «Раз плетку достал — так стегай!» Это было сказано высокомерно, потому что безоружный Волга хотел эмоционально переломить ситуацию в свою пользу. Но переломить не получилось — парень молча выстрелил. Возможно, он потом, здраво рассудив, и пожалел об этом, но тогда спокойно выстрелил. Волга погиб. Парня не нашли — тогда еще плохо умели искать. Через год его расстреляли у автостоянки. Это сделал не Юнгеров, но все подумали на него. А он еще специально отнекивался таким образом, чтобы утвердить мнение некоторых жуликов и оперативников. В те времена молва о способности убивать давала опасные, но козыри... Волга не был Юнкерсу таким уж другом. Но он был в рядах первых, и у него первого кончилась жизнь. Юнгеров считал, что по Божеским законам — он должен Волге, и поэтому всем помогал семье погибшего. Хотя настоящей-то семьи у

¹ «Челнинские» — небольшая группировка, лидеры которой происходили из Набережных Челнов.

Волги не было — была женщина, родившая ему сына, для которого он все не мог найти время, чтобы оформить отцовство. Это обстоятельство, кстати, оставило будущую биографию Егора «чистой» — для поступления в некоторые учреждения лучше быть безотцовщиной, чем сыном погибшего бандита, фигурировавшего в разных системах учетов...

Юнгеров полюбил Егора и к его совершеннолетию сумел сделать так, чтобы парень смог жить под фамилией отца, — благо, что она была не самой редкой. Егор этого очень хотел, и это стало для него лучшим подарком. А Юнгерову с недавних пор стало казаться, что Волга был его настоящим другом, таким, какого уже больше никогда не будет, и что в тот день они должны были ехать на ту «стрелку» вместе. Александр Сергеевич забыл, как Волга сам в тот вечер легко сказал: «Поеду один, поступим от противного. На одного они руку не поднимут». И Юнгеров тогда легко с этим согласился, потому что ему тоже надо было успеть еще на две «стрелы». Живой и неуживчивый Волга превратился в легенду, а память о легенде священна.

Из невеселых воспоминаний Александра Сергеевича вырвала какая-то суета у входа. Он оторвался от чутко притихшего Егора и вышел на середину зала, несколько раз хлопнув в ладоши. Не сразу, но стало тихо. Юнгеров, как опытный конференсье, выдержал паузу, а потом сказал:

— Можно я всех немножко шокирую? Сейчас сюда приведут человека, который не хотел приходить, но его привезли специально обученные люди. Он думает, что я хочу ему зла. Это не так. Я никого не хочу унижить. Прошу досмотреть наш разговор до конца.

Под перешептывание заинтригованных гостей на середину зала вышел чуть подталкиваемый охранником Юнгерова плотный человек лет сорока пяти. Ему было явно неуютно, он был зол и смущен.

Александр Сергеевич сделал жест рукой:

— Прошу! Это бывший старший оперуполномоченный по особо важным делам. Андрей, если не ошибаюсь,

Евгеньевич, Вьюгин. Когда-то именно он, и сейчас уже совсем не важно — почему, засадил нас в тюрьму. Я бы не сказал, что он блистательно доказал что-то, скорее, нашел кое-что... Сели мы совсем по иной причине, и не он принимал решение на посадку. Но он не совершил ни одного незаконного действия, ни одной низости. Нам ничего не подбрасывали. Он был спокоен, строг и вежлив. Я давно уже посмотрел все оперативные материалы того времени, переговорил с операми, которые ему помогали, все выяснил, в том числе — и кто на нас стучал. Своих там не было, это главное, а вода ушла вся. И сегодня я говорю тебе — спасибо, Андрей. Ты не хотел нам добра, но, причиняя в какой-то мере зло,— всех нас спас. Мы с тобой ни разу по-настоящему, по-человечески не разговаривали, поэтому ты, наверное, удивлен. Но ты нас спас, в том числе и от самих себя. Мы сели в девяносто втором году. Всем все ясно? Помните ту бойню, которая, начавшись в 1991-м, заканчиваться начала только году в девяносто шестом? Все стреляли во всех... И если б мы не сели, то нас бы уже либо закопали на «аллеях героев», либо мы сами... в крови перемазались бы, да в ней же потом и растворились, утопили бы свои человеческие сущности и превратились бы в вурдалаков. От всего этого нас уберegli тюремные стены. Андрей, я искренне приношу извинения за потраченные тобой сегодня нервы. Я не приглашаю тебя за этот стол — это было бы неправильно. И если бы ты согласился сесть за этот стол — это было бы неправильно вдвойне. Я при всех говорю тебе: спасибо. Я знаю, что у тебя не все в порядке со здоровьем близких тебе людей,— и постарался помочь тебе в этой проблеме. Врачи сами на вас выйдут. Платить им не надо. Прошу тебя — если сможешь, не сейчас, а когда тебя с уважением повезут обратно в город — прими мой подарок. Не обижай нашу молодость. Не ищи в моих словах ничего, кроме того что я сказал. Спасибо, что дослушал. Все.

Бывший опер обвел зал колючим взглядом, катнул желваками и, так и не сказав ни единого слова,

быстрыми шагами вышел прочь. Его очень корректно довели до лимузина, усадили, по дороге объяснив, что если он просто кивнет, то от него ничего не нужно, даже паспорта, а в Питере уже будет ждать его новенькая черная «Волга», оформленная на его имя, застрахованная, украшенная тюнингом и блатными номерами. Для того чтобы взять ее, не требовалось рисковать или совершать какой-то поступок.

Садясь в лимузин, бывший опер все так же молча кивнул и со странным выражением на лице оглянулся на чудовищный дом. Ему вдруг захотелось вусмерть нажраться, и его взяла тоска из-за того, что он вдруг отчетливо понял — больше никогда в жизни он не попадет на такой вот банкет, пусть даже и в странном статусе «краткосрочного» гостя. Все было предусмотрено — в лимузине был бар, и Андрей Евгеньевич, бывший опер, а ныне сотрудник частной охранной фирмы, тяжело пил всю дорогу до Питера, щуря в окно глаза...

А тем временем в «кухоньке» Юнгеров извинялся перед гостями:

— Простите мне, дорогие мои, эту выходку... Вывернул я на вас свое подсознание... Да... Ну, раз уж вы все это вытерпели, то предлагаю наконец-то нажраться в жопу! Пардон-с, в... Ну, в общем, все всё поняли. Сорок лет есть сорок лет. Имеем право погудеть. Похметология утром гарантирована.

Собственно говоря, гостей уже и особо уговаривать не требовалось. Вдохнул с грустью лишь чекист, непонятно когда успевший перебраться под бочок к балерине Светлане Шереметьевой:

— Да-а, вы, я смотрю, по-серьезному тут все настроились... А мне завтра, в девять тридцать, в Большой дом на службу государеву...

— Момент! — Юнгеров успокаивающе выставил вперед ладонь, другой рукой извлекая из кармана мобильный телефон и по памяти, на ощупь, набирая номер.— Але, Василич... Это я... Да спасибо, спасибо, ты

же поздравлял уже... Да... Слушай, у меня к тебе просьба. У меня тут ротмистр Лагин... Нет, как раз еще сидит и вполне огурцом... Да... Но хочет нажраться вместе со всеми и немножко покрушить незаконно нажитое. Слушай, сделай мне подарок — поставь ему отгул за прогул. Люблю я его. Ладно. Спасибо. Обнимаю тебя.

С видом фокусника, у которого получился трюк, Александр Сергеевич отвел от уха трубку и проинформировал Лагина:

— Ну что, товарищ майор! Теперь права не имеешь отказать! Начальник твоей службы приказал, чтоб в дрова и с битьем посуды.

— Сделаем! — невозмутимо пообещал майор Лагин, наливая себе коньяку в фужер для шампанского.— Это дело мы любим, умеем... Двери, там, вышибать, хозяев пужать...

И — понеслось. Кстати, как это ни странно, майор ФСБ Лагин оказался, по-видимому, единственным, кто как раз ничего и не разбил,— может быть, благодаря опеке балерины Шереметьевой. Когда майор опрокинул в себя фужер, ему почему-то захотелось рассказать Светлане, что литерное мероприятие по врезанию микрофонов через пол соседей к фигуранту называется тоже «Светланой».

— А почему? — округляя глаза, спросила прима.

— А хрен его знает,— честно ответил чекист,— хорошо еще, что не «Никодим».

— Угу,— глубокомысленно кивнула уже сильно «вде-тая» балерина, переварила услышанное и сделала неожиданный, прямо скажем, вывод: — Так вы подводник?

Контрразведчик некоторое время, пытаясь сконцентрироваться, молча смотрел артистке в глаза и ответил на всякий случай по комитетовской привычке уклончиво:

— Офицер флота никогда не будет приставать к женщине до тех пор, пока ясно не поймет, что она сама этого хочет!

— М-м-м, как интересно! — вздернула брови Светлана. — А хотите, я вам покажу зимний сад?

Лагин, покачиваясь, встал:

— Боюсь, что да!

И помог встать Шереметьевой, имя которой почему-то забыл. Ему пришлось обходиться обезличенными обращениями:

— Э-э-э... Барышня-красавица! А знаете, какая красотища в иллюминаторах во время срочного погружения? Один раз я ка-ак увидел... рыбу!

— Да что вы! — прижала руку ко рту балерина. — Немедленно расскажите!

И потащила майора на второй этаж, в сторону, прямо противоположную зимнему саду. Их тихому выходу практически не помешал Вадим Колесов, который с двухсотдолларовой сигарой во рту умудрился лбом вдребезги разбить стеклянную дверь.

Юнгеров заорал в восторге:

— Ай, молодец Вадик! Это серьезно, это полторы штуки долларов! Ой, порадовал! Все за счет заведения!

И, пародируя Олега Табакова в фильме «Человек с бульвара Капуцинов», добавил:

— «Это серьезно, Билл, это очень серьезно!»¹

А разгул набирал обороты. Лариса, обнимая за талию Крылова, мотала головой от его очередной «военной истории»:

— ...И тут, Ларисон, я со всего размаху ка-ак уебался!

Лариса втолковывала ему свое:

— Полковник, это все хуйня, ты пойми, женщину ведь тоже довести можно, особенно если без желания к ней.

— М-м-можно, — согласился Крылов, слизывая икринки, упавшие в декольте Ларисы. — Но ты послушай...

¹ Олег Табаков в этом фильме играет хозяина салуна, в котором происходит ковбойская драка, снятая просто феноменально для советского кинематографа.

Обнорский с Женей начали играть в «коробок» на раздевание, причем предупредили, что при любом результате раздеваться они заставят следователя прокуратуры Ольгу. Ольга хохотала и ловила рукой коробок... Денис вызвонил свою девушку — приехали четыре, и все такие — ВАУ! Других-то, собственно, и не ждали. Вновь прибывшим налили штрафные, и особо буйные поехали с ними кататься на снегоходах. Разумеется, где-то через километр все вошли в один и тот же сугроб. К ним была отправлена спасательная экспедиция. Водитель Юнгера молча доставил всех обратно живыми и невредимыми. Он даже не сказал «Дела!» — хотя две девицы уже были без бюстгалтеров. Потом приехало варьете в костюмах Снегурочек (все ж таки Новый год, хотя и старый, о котором все как-то подзабыли в суете), но их канкан перешибла своим балерина Шереметьева, уже вернувшаяся к тому времени со второго этажа в колготках другого цвета и без одной сережки. Потом один искусствовед из Эрмитажа (доктор наук, между прочим) плясал на бис гопака в рыцарских доспехах — в домишке Юнгера этих рыцарей было несколько, дань прошлой моде, все на них постоянно натывались. Потом хором пели казачьи песни. Потом мастер спорта по лыжам и следователь прокуратуры Оля все-таки сломалась под словесным поносом Обнора и стала исполнять стриптиз, но почему-то в режиме чечетки. Известный режиссер и профессор-математик боролись на руках, причем математик громко матерился, но почему-то только на английском и французском. Режиссер во время поединка заснул.

...В минуту просветления Юнгеров вдруг осознал, что сидит в обнимку с вазой, полной черной икры. При этом он светски беседовал с Федором Степановичем Бессчастных, профессором Первого медицинского института и ныне наимоднейшим в Питере диетологом. Александр Сергеевич брезгливо тыкал в икру ложкой и излагал свой взгляд на диеты и раздельное питание:

— ...Меня, когда на первое свидание трехсуточное в лагере вызвали,— первая мысль: поем! А на столе в комнате свиданий — три рюкзака со всем-всем. Я поковырялся в них и ужаснулся: не хочу! Прошло полдня, я — снова к еде и снова — не очень! Твою мать! И вдруг понимаю, что хочу лагерного пустого горохового супа с крупно порезанной картошкой! Хоть ты тресни... И до сих пор того супа хочу, да разве такой сварить... А это все, что на столе стоит,— это не еда. Это — тема для социологов: «Что нужно держать у себя в холодильнике, чтобы ощущать свою принадлежность к классу угнетателей».

Юнкерс вздохнул со всхлипом, бухнул ложку черной икры в бокал с вином, перемешал, выпил и скривился:

— Господи, хуйня какая!

— Очень верное замечание, батенька! — согласился с ним профессор.— Я вам так скажу: я вот срочную на Балтийском флоте... Так вот: макароны по-флотски — самая здоровая пища. Но — настоящие. Их надо есть после четырех часов качки в море. Потом — блевать. Это очень полезно.

— Блевать?

— Блевать, сударь мой, непременно блевать! Сейчас этого многие недооценивают... И еще — селедка! Очень серьезный продукт. Еще викинги... Да можно пример и из более близкой истории привести: вы знаете, что комендант Шлиссельбургской крепости кормил заключенных народовольцев селедкой каждый день?

— Во зверь! — ужаснулся Юнгеров.— Сатрап какой...

— Напротив, батенька! — торжествуяще воздел указательный палец вверх профессор-диетолог.— В селедке — все витамины и другие очень полезные организму соединения. Узники выходили из заключения просто гвардейцами: волосок к волоску, с румянцем на щеках и с крепкими зубами!

— Угу,— сказал Александр Сергеевич, переваривая информацию.— Действительно. Тогда я сейчас селедочки нам найду, раз такое дело...

Найти селедку ему помешала вырulingшая откуда-то Лариса — довольная и раскрасневшаяся:

— Юнгеров, ты меня хорошо знаешь?!

— Надеюсь,— опасливо ответил Александр Сергеевич.

— Тогда... Такое дело, Саш... Мы бы хотели с твоим начальником уголовного розыска где-нибудь выпить... Вдвоем.

Юнкерс хмыкнул понимающе:

— Выпить — хоть тони... Если завтра стыдно не будет — значит, не утонула.

— Ну-у, Саш...

— Ладно, ладно... Второй этаж, комната с сиреневой ванной. Ты же сибаритка.

— Спасибо, любимый! Мне ведь тоже надо как-то мстить тебе за твоих баб!

— О как! А сейчас разве в этом дело?

Лариса отвела глаза и вздохнула:

— Саша, он — настоящий полковник!

Юнкерс погладил ее по голове:

— Я рад, если вам с Крыловым хорошо. Честно. Только раз уж так все складывается — не сводите все к одному блядству. Вы достойны друг друга...

Лариса ушла искать своего настоящего полковника, бросив на прощание загадочную фразу: «Если что — ты знаешь, где нас найти».

И вот уже после этого Александр Сергеевич нажрался наконец-то до полной отключки памяти. Ему ничего не снилось, только под утро, перед самым пробуждением, выплыло откуда-то лицо Егора Якушева. Юнкерс даже во сне удивился — Егор никогда в жизни ему не снился. Волга — да, бывало, а вот Егор — никогда...

...Пробуждение было трудным. Открыв глаза, Юнкерс нашел себя в громадной кадке вокруг пальмы в зимнем саду. Рядом на кремовом рояле спал Обнорский — почему-то босой, но с женской туфлей в одной руке. Туфля, судя по всему, принадлежала следователю Оле.

— Дела,— сказал Александр Сергеевич и сам испугался своего голоса. Он откашлялся, собрался с силами и крикнул: —Люди-и! Есть живые? Давайте опохмеляться, лю-юди-и...

...Опохмелялись уже, конечно, не так люто, как выпивали накануне. Пошатнувшееся здоровье поправили хорошей парилкой и купанием в бассейне, а для желающих организовали и прорубь в озере. Потом все ели уху с костра и делились обрывочными воспоминаниями о празднике, напрасно пытаясь составить целостную картину. Всем было очень хорошо, а потому, когда повеяло легкой грустью от того, что праздник закончился, все как-то разом заторопились в Питер — чтобы грусть эта не успела стать сильной. Прощаясь, Юнгеров спросил сразу всех:

— Народ, я вас не сильно замучил?

Ответила за всех балерина Шереметьева, твердо поддерживавшая за локоть несколько размякшего эфэсбэшника Лагина:

— Народ с радостью встречает... освободительную армию батьки Бурнаша!¹

Так что разъезжались с хохотом и шутками, несмотря на дрожь в руках и тяжесть в головах...

Когда все гости отбыли, Александр Сергеевич побродил по дому (он, кстати, пострадал не сильно, по крайней мере снесенных стен хозяин не обнаружил), попарился еще разок, поплавал в бассейне и, завалившись на кровать в своей спальне, нажал на пульт телевизора. Случайно он попал на какой-то добротный гангстерский фильм. В экране на всю стену кто-то надрывался: «Обыщите все кругом!.. Найдите его!..» А потом стильные мужчины в галстуках все время стреляли и бегали друг за другом.

«Если бы все было так просто!» — усмехнулся невесело Юнгеров и начал было задремывать. Но вдруг еще один эпизод на экране заставил его почему-то вздрог-

¹ Культовая фраза из кинофильма «Неуловимые мстители».

нуть. Один из персонажей фильма — гробовщик — объяснял какому-то парню: «Я просто приехал в этот город, чтобы заработать денег. Что за город без гробовщика? Я имею право узнать, чем все это закончится! Будем партнерами? Ты же не будешь стрелять в спину?» Собеседник гробовщика пожал плечами и ответил: «Я делал вещи и похуже!»

У Александра Сергеевича неизвестно с чего заныло сердце. Он выругался, подумал, что пить надо все-таки меньше, дождался пальбы на экране и под нее, успокоенный, наконец-то уснул.

В эту ночь ему снились сны — разные и в основном беспокойные. А под утро приснился сон вовсе нехороший. Увидел Александр Сергеевич лицо одного, ныне покойного, старого знакомого. Знакомец был при жизни человеком неприятным и подлым, хотя улыбался всегда красиво. Вот с такой красивой улыбочкой покойник во сне открыл Юнгерову дверь, через которую Александр Сергеевич вышел к берегу заросшего пруда. На песчаном берегу в старинном кресле сидела задумчивая старуха, которая долго разглядывала Юнгера, а потом сказала: «Вот и снова я, касатик...» Юнкерс проснулся со стучащим сердцем и в холодном поту. Он был человеком абсолютно не суеверным и ни в какие вещие сны не верил, а над теми, кто любил порассуждать на эту тему, всегда остроумно издевался. Но дело в том, что эту старуху Юнгер уже однажды видел во сне. Это было в ночь перед его арестом.

Тогда она показала ему рукой на странный дом... А когда, много месяцев спустя, Александр Сергеевич прибыл в колонию, то увидел и узнал дом из того сна. Это был его барак.

Случай этот Юнкерс никогда никому не рассказывал, чтобы его придурком не сочли, и старуху ту постарался забыть.

Когда он действительно о ней почти забыл, она о себе напомнила...

Приняв контрастный душ, Юнгеров практически успокоился и вышел на кухню (маленькую, а не в зал-«кухоньку») в почти нормальном настроении, но там его снова словно током ударило, потому что за столом сидел и пил чай с сушками, поджидая его, Юрий Петрович Ермилов. Юрий Петрович был консиглиори, то есть советником Юнгерова. И ведал Ермилов вопросами стратегической безопасности «империи». Когда-то Юрий Петрович был кадровым офицером, но, отслужив честно «двадцать пять календарей»¹, встал под знамена Юнкерса. Познакомились они еще до ареста Александра Сергеевича — и довольно странным образом. Как-то раз Юнкерс со своей братвой «нахлобучили» один договорной магазин, где директор все никак не мог понять, нужна ему «крыша» или нет, и, к своему удивлению, обнаружили в подсобке ящик ручных гранат, спрятанный между турецкими «пропитками»². Разумеется, тут же поехали эти гранаты опробовать, и, конечно же, недалеко, на Елагин остров. И там, чуть ли не на глазах патрульного милиционера, стали члены «коллектива» Юнкерса эти гранаты по парку расшвыривать. Но ни одна не взорвалась — видимо, вся партия была с каким-то дефектом. А на все это хулиганство, кроме притихшего молоденького милиционера, еще смотрел некий человек в морской форме и с погонами капитана второго ранга. Он и заметил — спокойно так, — что надо бы, мол, все раскиданное обратно собрать. Юнкерс ухмыльнулся и предложил — тебе, мол, надо, ты и собирай. А кавторанг взял — и собрал! Вот так и познакомился Юнгеров с Ермиловым — а именно так звали того спокойного офицера. Юрий Петрович всю свою сознательную жизнь провел на флоте, но делами там занимался... специфическими. Он был

¹ Жаргонное офицерское выражение — двадцать пять календарных лет составляют полную выслугу и дают право на военную пенсию в полном объеме.

² «Пропитка» — дубленка, пропитанная специальным составом, защищающим от снега и дождя.

специалистом по диверсиям и мероприятиям, эти диверсии профилактирующим. Александр Сергеевич потом к нему и в Кронштадт ездил, и даже стал помогать, чем мог, экипажу одного корабля...

Юрий Петрович был очень динамичным человеком, долг свой исполнял блистательно и не верил никому. Конечно, он был наемником, но наемником, которому не нравится фраза: «Только за деньги». Руководствовался он одним своим правилом: «Если все спокойно, значит, получена не вся необходимая информация». При этом Ермилов никогда не дергал по пустякам, и уж если он сидел утром на кухне загородного дома Юнгера, если приехал без предварительного звонка, значит, основания на то имел серьезные.

Юнкерс рукой растер грудь под халатом, вздохнул и пожаловался, не здороваясь:

— Сон мне хреновый приснился, Петрович. Мерзостный такой сон. С перепоею, наверное...

Ермилов, как и большинство моряков, был человеком суеверным, невзирая на предельный прагматизм, поэтому покачал головой:

— Думаю, Сергеич, что неспроста этот звоночек.

— Ясный пень,— согласился Юнгеров, наливая себе чай.— Раз уж ты тут сидишь, то и аналитиком быть не надо...

— А по-твоему, я на хорошие новости не способен? — улыбнулся Ермилов.

— Способен-то, может, и способен...— шумно от хлебнул из своей кружки Александр Сергеевич.— А только радостного ты мне не говоришь. И хорошего про людей не говоришь, только плохое.

— Плохое или про плохих?

— Ну... ну хорошо, про плохих... и что?

— Ничего,— пожал плечами Юрий Петрович.— Просто я хочу, чтобы их не было. По крайней мере — рядом.

— Ты прямо как один из первых последователей Христа...

— Не тяну. Скорее я — марксист, работающий в малых формах. То есть пытаюсь способствовать строительству коммунизма в твоей капиталистической империи.

— Во как! — покрутил головой Юнкерс.— Ладно, Петрович, не томи... а то я решу, что ты этими разговорами мне пилюлюластишь, и начну нервничать.

— Есть! — Ермилов отставил от себя кружку и весь внутренне подобрался, как во время доклада командующему.— В общем, у меня две новости, и обе — не очень. Начну с той, которая проще и конкретнее: ты мне поручил выяснить, сколько ассоциация рынков собирает на подношения власти и сколько эта самая власть реально переваривает.

— Ну,— прищурился Юнгерс.— Так что, крадут суки?

— Разумеется,— спокойно кивнул Юрий Петрович.— Причем дела еще хуже, чем мы предполагали. Председатель ассоциации реально собирает на эти цели каждый месяц двадцать две тысячи тугриков. По моим подсчетам, на сегодняшний день власти из них перепадает не больше пяти. Итого: за год скоммунизжено не менее ста пятидесяти тысяч долларов. Теперь понятно, почему многое не получается с тендером на пятна под новые застройки. Мы-то считали, что чиновничья братия всё в полном объеме получает... Принципиально понятно?

— Понятно,— сжал зубы Юнкерс.— И кто крысы? Пофамильно!

Ермилов покачал головой:

— Не крысы, а крыса. Одна штука. Председатель — тот, кто передает взятки. Наша ошибка заключалась в том, что мы позволили одному человеку взять все контакты себе. Он освоился, и поскольку сам — далеко не дурак, то...

— Понятно! — вскочил и забегал по кухне, забыв про чай, Александр Сергеевич.— Чего тарыхтеть! Значит, так надо: под залегенированным предлогом встретиться с парой чиновников из крупных. Разговор поведи так,

чтобы они от тебя услышали про истинные суммы, которые мы им должны были выплатить и готовы выплачивать в дальнейшем. Удивись их удивлению и сделай так, чтобы они устроили мини-скандал без выноса сора из избы. Так как юридически мы платим копейки, то фактическую сторону мало кто знает... Исходя из вышеизложенного, мы занимаем позицию оскорбленных в лучших чувствах. Типа, нам противно, и все такое... Пусть с председателем разбираются чинушки и другие члены ассоциации. Уверен, что некоторые не сдержатся и в сердцах наугрожают. И вот через пару дней после разбора полетов и его смещения и изгнания... Ты его имущественное положение проверял?

— Конечно. Огромная хата, кухня в мраморе.

— Очень хорошо.— Юнгеров сел и снова отхлебнул чаю.— Так вот, хату — сжечь! И не дверь, а всю квартиру, до основания! Зачем? А затем, чтобы потом некий водевильный злодей позвонил ему на мобильник: «Получил, мразь?! Не советуем ремонтировать, сожжем снова, зарежем...» — ну и так далее. Он, конечно же, ломанется к ментам. А злодей должен ему позвонить с таксофонной карты, чтобы, когда менты все перепроверят и карту эту вычислят, чтобы на ней был еще звонок к... Кто там еще самый высокомерный в ассоциации?

— Жданов.

— Вот, чтобы на карте еще был звонок Жданову. Мол, братва наугрожала и тут же отзвонилась Жданову и отчиталась. Точка. И с этого времени взятки носит наш человек. Надо будет — свой гешефт отдадим. Перетянем на себя одеяло, и затем, под ассоциацию, чинушки образованные нам решат все другие вопросы. Так что — нет худа без добра.

— Мудро,— бесстрастно отозвался Ермилов.— Мудро, Христофор Бонифатьевич¹. А ты уверен, что

¹ Христофором Бонифатьевичем капитана Врунгеля в известном произведении всегда называл матрос Лом.

лучший вид на этот город — из кабины пикирующего бомбардировщика?

Юнгеров засмеялся:

— Намекаешь на то, что я давно уже не Юнкерс, а солидный предприниматель-капиталист? Ладно, извини за этот розыгрыш. Отставить самовозгорание проводки. Будем жить по-новому, так сказать, с человеческим лицом. Просто выгнать его, как пса плешивого, и всему городу объявить, кто таков. Он ведь уже привык жить хорошо. Затраты по уровню. Тяжело ему будет с девяносто восьмого на семьдесят шестой бензин пересаживаться. А ты проследи за тем, чтобы его никто не посмел взять на серьезную работу. Вопросы?

— Никак нет.

По лицу Юрия Петровича было абсолютно непонятно — поверил он в «розыгрыш» или решил, что Юнкерс просто ловко вывернулся после слишком грубоватого для нынешнего времени захода на атаку. Александр Сергеевич правильно истолковал бесстрастность своего советника по безопасности (или «старпома», как он его еще называл). Юнгеров усмехнулся и тихо спросил:

— Петрович, я тебе никогда не рассказывал, как однажды чуть было бесповоротно не изменил свою судьбу? «Старпом» молча качнул головой.

— Тогда слушай. Заодно узнаешь, что я понимаю под бесповоротным изменением судьбы. Давным-давно вспыхнуло во мне... ну, назовем это злостью. Ефим такой, знаешь его конечно, довел меня. Вот ну на каждой «стрелке», кроме как с моими, везде кричал, что я — мент. Почему — непонятно. Оснований — никаких, кроме того, что мы с ним всегда друг друга недолюбливали. Кстати, сам-то Ефим, как выяснилось позже, состоял на связи в РУБОПе...¹ нет, тогда еще ОРБ² было,

¹ РУБОП — Региональное управление по борьбе с организованной преступностью.

² ОРБ — Оперативно-розыскное бюро.

под ласковым псевдонимом Котов. Ну вот. Стало быть, этот Ефим-Котов везде орет, что я-де мент, а его люди подговаривают одного фраера, чтобы он на меня заявку написал. Ну полный пиздец с перебором. Короче, у меня все забурило, взял я пулеметик Дегтярева, подъехал на битой «копеечке» к тыльной стороне бани строившейся, которая аккурат напротив его кафе «Вечер» возводилась, и залег, как в кино про партизан. Все продумал, подстилочку положил, чтоб не жестко и не холодно было...

Лежу я, значит, с пулеметом в обнимку, а прямо передо мной — выход из кафе, все в огнях, все как на ладони. Думаю, вот, мол, они выходить сейчас начнут — тут я их и причешу. Передернул затвор... Красиво, да?

Лицо Ермилова выражало удивление. Мысленно он перебирал все крупные расстрелы того времени, но о пальбе у «Вечера» ничего почему-то не вспоминалось.

— Продолжай,— сказал Юрий Петрович, потеряв висок.— Никогда ни о чем подобном не слышал...

Юнкерс усмехнулся:

— Ну-с, стали они выходить. Ефим, шалавы какие-то, братва его... А я смотрю на них через прицел, словно... как вот в компьютерной игре. Эмоций — никаких. Даже интересно. А потом — раз... и не выстрелил. Не передумал, не опомнился, а просто — не выстрелил почему-то, и все... И только потом, ночью, когда я засыпал с одной проституткой (кстати, классная девушка, все торты мне пекла, пока я в «Крестах» чалился), я понял, что чуть было не изменил бесповоротно свою судьбу. Ефима, кстати, возненавидел еще больше — за то, что я из-за него, твари, чуть было душегубом не стал. Вот так.

— Я понял, Сергеич,— сказал Ермилов и улыбнулся.

— Что ты понял, старпом? — поддел его интонацией Юнкеров.

Юрий Петрович снова улыбнулся:

— Не переживайте так, ваше сиятельство. Я все понял. И по поводу председателя ассоциации — тоже. И вообще я искренне горжусь тобой.

— Это что, юмор такой? — насторожился Александр Сергеевич.

— Нет. Я серьезно. Я услышал приятное, но ты не хочешь этого понять.

— Загадочный ты человек, Петрович,— хмыкнул хозяин «Аэродрома».

— Никак нет. Загадочные — они замкнутые, а я — скрытный, и то из-за занимаемой должности.

Юнкерс покрутил головой:

— Я всегда удивлялся твоему умению жонглировать словами, и все — в твою пользу. Забываешь, чего хотел.

— А чего ты хотел?

— Ой,— вздохнул Александр Сергеевич.— Я хотел воли... Воли! Да девку сытную! Да шей горячих... Эх... Петрович, ты вот жену свою любишь?

— Люблю,— пожал плечами в ответ на внезапный поворот разговора Ермилов.

Юнгеров закурил, глубоко затянулся и вздохнул:

— А я вот — нет. Ни одну не любил.

— Я не вкладываю в это...

— Ой, вот только не надо тонкостей,— замахал рукой, разгоняя сигаретный дым, Юнкерс.— Я тебя умоляю! Ладно, одну хреновую новость мы переварили, ничего страшного, пробздимся и дальше жить будем, и даже знаем, как именно. Давай вторую.

Ермилов помолчал, тоже закурил, видимо формулируя мысль, а потом махнул рукой, решив не мудрить, и вывалил, словно булыган из самосвала:

— «Чужой». У нас — кто-то «чужой».

Вот тут Юнкерсу сразу и сон вспомнился, и ощущение удара под дых возникло, и вообще показалось, что мир сузился, будто стены сделали по полшага внутрь. Александр Сергеевич снова схватился за грудь и хрипло попросил:

— Поясни.

— Собственно, у меня даже косвенных данных нет о том, кто это может быть,— спокойно и даже как-то

нагловато для такого заявления сообщил «старпом». — Мне один верный человек шепнул, москвич, я ему еще по прошлой жизни доверял абсолютно... Шепнул, что менты имеют «чужого» в твоём ближнем круге. Сделано это для глубокой разработки, цель которой, я думаю, тебе объяснять не надо... Или надо?

— Не надо,— помотал головой Юнгеров.— И... чего теперь?

Ермилов пожал плечами:

— А чего теперь... Теперь — ничего, надо всех своих поперебирать, посмотреть там... Мероприятия определенные провести, чтобы вычислить этого «чужого». Я давно говорил...

— Э-э!!! — замахал руками Юнгеров.— Стоп машина! Эко ты попер! Тебе бы только «врагов народа» ловить, как в тридцатые! Мы так с ума сойдем! Мы станем такими же, как они, как те, кто к нам шпионов засылает и у себя все время своих же подозревает! Это же... это Средневековье какое-то!

В крайнем раздражении Александр Сергеевич вскочил, опрокинув стул,— от этого разозлился еще больше и выбежал из кухни. Как многие лидеры, он был человеком настроения и очень сердился на самого себя, когда замечал проявления этой грани своей натуры. Хотя, конечно же, грань эта проявлялась намного чаще, чем казалось самому Юнгерову.

Юнкерс пометался по дому, глянул в монитор видеонаблюдения и увидел на черно-белом экране, как по парку бегают кавказские овчарки. Хозяин «Аэродрома» схватил рацию и хотел было наорать на охрану («кавказцы» недавно покусали рабочего-молдаванина), но сдержался, поняв, что просто хочет сорвать на ком-то «изжоговую» тоску от информации «старпома». А «изжога» не проходила. Юнгеров начал даже непроизвольно перебирать в уме всех, кто был на празднике, потом опомнился, плюнул на пол в сердцах.

Юнкерс понимал, что Ермилов не изгалялся над ним, похмельным. «Старпом» был человеком очень специальным и не любил раньше времени «открывать шампанское». Юрий Петрович отличался особой внимательностью и гениально умел обращать внимание на косвенные признаки. Он дружил с очень многими, и эти многие легко делились с ним общей (а иногда и очень конкретной) информацией. Обрывки новостей и информации Ермилов стыковал и систематизировал. Как правило, эти осколки мозаики не касались напрямую «империи Юнкерса», но советник знал, что мир — «имеет форму чемодана», в котором все взаимосвязано. Именно эта система стыковок и систематизации позволила Юрию Петровичу совсем недавно высветить любопытную ситуацию вокруг троллейбусного парка. Внешне там все было очень скучно — какая-то возня мышьяная, кто-то какие-то «крышные» деньги переводил под видом несуществующих информационных услуг... В этом парке мутили противники Юнкерса, хотевшего в близкой перспективе прибрать предприятие к своим рукам. И вдруг Ермилов натолкнулся в этом клубке на «своего» человека, который, мягко говоря, ну никак не должен был там оказаться. И этот человек никогда никому ничего не говорил о своем интересе к троллейбусникам. Не говорил — значит, утаивал. И Юнкерс тогда согласился со «старпомом», что раз такая петрушка, то человек этот внутренне уже больше не ИХ и рано или поздно пойдет на прямую измену, если уже не пошел... Так что с точки зрения прагматической резон в предложении Ермилова начать «отработку ближнего круга», конечно же, был. Юнкерс не хотел соглашаться с этим предложением по причинам, так сказать, эмоционально-идеологического характера. Весь его нрав противился тому, чтобы его «империя» начала жить по глобально-универсальному закону дворцовых интриг, согласно которому никому нельзя верить и за всеми надо следить, поощряя взаимный стук «подданных» друг на друга. Александр Сергеевич не желал заме-

чать очевидного — того, что на самом-то деле этих интриг в его царстве более чем хватало. Просто они были, так сказать, «подпольными», официально не санкционированными. И еще одно соображение останавливало Юнгера — «оперативная отработка ближнего круга», конечно же, в любом случае могла выявить много всякого мелкого дерьма — ведь в абсолютно каждом человеке есть не только светлые стороны. Зачастую именно какая-нибудь неприятная мелочь способна поломать отношение к человеку. А Юнкерс инстинктивно боялся этого, боялся разочарований, поскольку так же инстинктивно сознавал, что, именно будучи человеком настроения, несколько идеализировал своих близких. Есть вещи, которые лучше не знать... Примеры были. Давным-давно, еще сидя в «Крестах», Александр Сергеевич случайно узнал, как однажды ночью его Ларису прямо на заправке, где имелась уютная кушеточка, естественно — по ее же доброму согласию, «отодрали» разом два уха. Один из них потом сел и оказался в одной хате с Юнкерсом, не зная, что и Александру Сергеевичу та кушеточка хорошо знакома. А тюремные разговоры — долгие, причем про баб говорить безопаснее всего... Некоторые детали в рассказе уха точно указывали на то, что он не врет. Юнгеров не был ни ханжой, ни ангелом. И Лариса была женщиной взрослой и свободной, и, конечно же, Юнкерс тот случай никаким предательством не счел. Но... Все равно внутри что-то если не сломалось, то треснуло. Вот таких «трещинок» Александр Сергеевич и боялся, боялся не буквально, конечно, а... подсознательно. Ну примерно так, как здоровые мужики боятся идти к дантисту и находят каждый раз кучу отговорок, чтобы перенести визит на потом. Ну и, кроме того, Юнкерс понимал, каким объемом негатива (и не только) станет располагать Ермилов, санкционируй он эту самую «оперативную отработку». Такой объем сокровенной информации дает объективную власть над людьми. Не учитывать этого обстоятельства Александр Сергеевич также не мог...

Походив по дому и не то чтобы успокоившись, но, скорее, собравшись, Юнкерс вернулся на кухню, где Ермилов невозмутимо тянул очередную кружку чая с вареньем и сушками. Юнгеров молча сел напротив, подняв опрокинутый при выбегании стул, и подпер щеку ладонью:

— Петрович... Что ж они не угомонятся никак? Я ж за свое отчалился — в отличие от многих. Что же им еще нужно?

Юрий Петрович прекрасно понял, кого Юнкерс имеет в виду под местоимением «они», хотя и не смог бы, пожалуй, сформулировать это в одном предложении. Советник усмехнулся — жестко, по-волчьи:

— Ты, Александр Сергеевич, сам человек загадочный. Вроде умный, а иногда, извини, какой-то юношеский романтизм мешает тебе понимать простые вещи. «Им» нужен ты. Вернее, как раз не нужен — в нынешнем твоём качестве.

— Но почему?! — сморщил лоб хозяин «Аэродрома». — Ведь я же... не только разгуляево, я же... Я строю, я дело делаю, мы столько для города...

— При чем здесь это? — махнул рукой Ермилов. — Проблема вообще в другой плоскости лежит. Ты с какого-то времени внутренне решил, что выше государства, к которому ты относишься с плохо скрываемой брезгливостью. Ты посчитал, что государства — в твоём, имперском, понимании — нет, что оно как бабка в маразме: так сказать, учитывать надо, но считаться необязательно. Власть такого не прощает — и особенно тем, кто какие-то конкретные вещи делает вроде бы и на пользу тому самому государству. Ты ведь как бы решил отделиться — выстроил империю, в которой стал фараоном, с умопомрачительной властью внутри и с таким же авторитетом снаружи. Абсолютное большинство представителей настоящей, государственной, власти ты искренне и заслуженно не уважаешь — да, решаешь с ними вопросы, умеешь быть обаятельным, конечно же щедрым, но за всем этим стоят твои гордыня и высоко-

мерие, и щедрость твоя для них оборачивается унижительными подачками. Ты же им, как псам, кости швыряешь — мол, нате, зажритесь, только не гавкайте. И они это чувят. Как собаки. И ненавидят тебя за это. Любят тебя только друзья, а в друзья ты берешь ой не всех. А остальные — они видят, как ты живешь, видят, что считаешь себя человеком вольным, независимым и имеющим право. А с чего у тебя такое право? Это ты решил, что выстрадал его, вырвал у судьбы — своим риском, своим сидением на киче, своей работой сумасшедшей. Ты считаешь, что расплатился за все сполна, — но они-то так не считают. Вот в чем дело. Ты для власти — чужой. Приблуда. А поэтому и твоя «фараонная» власть в твоей «империи» — она ворованная, незаконная, так как никто тебя ею не наделял. Не «помазали» тебя.

— Вона... — У Юнкерса, явно не ожидавшего такого монолога, даже рот открылся. — А я-то, по скудоумию своему бандитскому, думал, что власть — она от Бога.

— От Бога, — легко согласился Ермилов. — Но распределяют ее специально обученные люди. Так сказать, «помазанники», специально уполномоченные. У нас же бизнес всегда на дефиците делался, а самый главный дефицит сейчас — это дефицит власти. Вот так. Так что все, что не через «помазанников», то блуд. Блуд от лукавого. И даже не блуд, а бунт — против настоящей, законной власти. А бунты нужно подавлять — лучше в зародыше и непременно жестоко, в назидание другим. Кстати, чем больше в этом нелогичного — тем лучше, потому что власть должна быть таинственной и непознанной. Вот так.

Александр Сергеевичу в лицо бросилась кровь, и он от души жажнул кулаком по дубовому столу:

— А вот ни хрена не «вот так»! Отсосут они, «помазки» твои! Отсосут, утрутся, а потом еще и жопы растопырят! Хера я им на колени встану! Лучшая оборона — это атака! Монгольская конница не знала поражений, потому что умела идти только вперед!

— В каком смысле? — заломил бровь Юрий Петрович.

— В прямом! «Чужого» у нас организовали?! Ну, суки-пидоры! А мы им своего «чужого» засунем! Хотя их вонючие секреты и даром мне не нужны!

— Какого такого «своего чужого»? — откровенно напрягся Ермилов, не понимая, о чем идет речь, а точнее — пугаясь понять.

— Такого! — Юнкерс, которого изрядно «зацепило», сел на эмоцию, как черт на кочергу, и теперь уже лихорадочно импровизировал в «полете». — Засунем к ним в мусарню нашего парня, такого, чтоб лучшим там стал, и...

— Это кого же, стесняюсь спросить?! — У «старпома» дрогнули крылья носа, он и сам не заметил в интересном повороте разговора, как чуть повысил интонацию, следуя за уже откровенно орущим в бешенстве Юнкерсом:

— Кого?! Да что у нас, своих надежных пацанов мало?! Да хотя бы... хотя бы...

И выплыло в этот момент перед глазами Александра Сергеевича лицо Егора — прямо как в том пьяном сне под утро. Его фамилию Юнкерс и выкрикнул — по своему любимому принципу, что первое решение — оно самое верное:

— Якушев! Чем тебе не кандидат?! Что, не сможет?! Да еще как сможет!

Юрию Петровичу вдруг показалось, что «император» просто бредит с перепоя, и он снова попытался сбить эмоции логикой:

— Сможет-то он, может, и сможет, но... Зачем?

— А затем! Чтоб знали, суки!..

— Нет, если чтобы знали — тогда точно не надо...

— Ну оговорился я! Не чтобы они знали, а чтоб я сам знал... И вообще...

Юнгеров схватил сигарету со стола, закурил и смолк, зло сопя. Ермилов также молчал, не желая спровоцировать еще одну вспышку. Он надеялся, что дурацкая идея относительно Егора сама собой рассосется, когда Юнкерс успокоится. К сожалению, Юрий Петрович при этом очень хорошо знал характер своего шефа, бычье

упрямство которого редко позволяло отказываться от спонтанно родившихся идей, и особенно родившихся от того, что за живое зацепили. Вот и сейчас Ермилов видел, что Александр Сергеевич не столько успокаивается, сколько уже обдумывает идею внедрения Егора. Когда молчание стало казаться тягостным, Юнгеров почти всело прищурил левый глаз и спросил:

— Значит, ты полагаешь, что эта моя идея с Якушевым-младшим — пустые хлопоты?

«Старпом», видя, что сбываются его худшие предположения, даже встал и прошелся по кухне, перед тем как ответить:

— Не хлопоты, а... а опасная химера! И дело даже не в том, что с государством нельзя в такие игры играть...

— А в чем?

— А в том, что ты на кураже не можешь просчитать всего... в том числе все возможные последствия... А еще — ты убежден, что все, кто рядом, — являются твоим зеркальным отображением. А это — спорно.

Юнгеров несогласно помотал головой:

— Егор, конечно, сын Валеры. Но отец — это не только тот, кто родил, но и тот, кто дал шанс и направление в жизни.

Ермилов остановился, упер кулаки в стол и навис над Юнкерсом:

— Ты Волгу на кладбище давно навецал? Ты видел, как старший Якушев смотрит с могильного гранита на Южном? Он и с того света смотрит нагло и себе на уме. И стоит этак игриво — одна нога вперед, мол, как оно, пацаны?

— Это ты к чему? — привстал по-медвежьки и Александр Сергеевич. — К тому, что яблоко от яблоньки недалеко укатывается?

Юрий Петрович вздохнул и сел:

— Егор — славный мальчик. Но он — романтик. Тот романтик, который искренне верит, что умрет за царя и отечество. Но он еще ни разу не воевал за «царя», поэтому — большой вопрос; станет ли он «Сусаниным».

В глазах Юнгера вспыхнули огоньки:

— А мы его что, в тыл к полякам засылаем, что ли?

— Так точно, ваше сиятельство,— кивнул Юрий Петрович, начавший уже уставать от этого дикого разговора.

От недопонимания сути своей идеи Юнкерс аж плюхнулся обессиленно обратно на стул:

— «Ну вы, блин, даете!»¹ Ты искренне считаешь, что я собрался засылать его куда-то с секретным шпионским заданием? Мне что, нужен несмышленный опер? Я что,— шмаль² у метро надумал продавать?! Опомнись! Юра, что происходит? Ты меня понимать разучился? Хорошо, из уважения к тебе — разжую. Да, мне приятно будет вставить твоим «помазкам» пистончик. Но только ради этого... Ну не настолько же я самодур. Я и так о судьбе Егора думал, прикидывал. Он юрфак закончит, ему что — в нотариусы идти? А уголовный розыск — это школа. Это — интересная жизнь. Это — уважение к своим силам. А он сможет, я вижу! А мы... мы подсобим. Я, я, как дед мой,— хочу видеть его «офицером в форме». Ну а если спустя много-много лет он сможет и нам какую-нибудь пользу принести... Так до тех времен еще дожить надо. Мысль понятна?

— Понятна,— кивнул Ермилов, в очередной раз поражаясь природной способности Юнгера по-налимьи изворачиваться, маскируя даже для самого себя подлинные побудительные мотивы своих «идей» путем их трансформации по ходу пьесы: — Понятно-то оно понятно, но... Попав в иную систему, Егор начнет меняться. И интересы иного стереотипа поведения могут перевесить.

Александр Сергеевич взялся за сердце:

— Мне плохо. Если вокруг — все сумасшедшие, значит, это мне пора на уколы. Какие интересы?! Мы давно занимаемся бизнесом и уже много лет — не звериным!

¹ Культовая фраза из кинофильма «Особенности национальной охоты».

² Шмаль — наркотики.

Я дошел уже до того, что искусственные кредиты беру в банке, чтобы все считали, что мне денег не хватает! Если нам куда-то штирлицев засылать, так это в налоговую, в арбитражи и... к ебени-матери!..

Юрий Петрович успокаивающе положил руку на плечо шефа:

— Ну не расходишься ты так! Мне ведь Егор тоже симпатичен, а мы сейчас не новогодний розыгрыш обсуждаем — о судьбе парня толкуем...

— Ты что, думаешь, я без его согласия... — возмутился было Юнгеров, но Ермилов не дал ему договорить:

— Разумеется, я так не думаю! И разумеется, он согласится! Он для тебя на что хочешь согласится. Тем более ты ему не детей насиловать предложишь. И дело не в том, что я опасаюсь его предательства. Не к немцам в тыл идет. Но — по нашей системе координат — все равно к НИМ. От НАС. А на той стороне — тоже могут найтись красивые душой люди. Егор еще совсем пацан. В нем стержня нет, мнения своего. А потому он и может искренне поменяться. Сам не заметит. А потом — случись какая карательная экспедиция до нас — он помучается-помучается и нашу-то гимнастерочку на их бушлатик и поменяет! Егор воспитывался как крепкий и порядочный парень. Он не воровал и не выживал на улицах. У него нет того здорового цинизма, который сквозит в нашем хохоте над пошлыми анекдотами. Он правильный парень, но... В этом и слабость его — пока эта правильность еще угловатая, жизнью не обтесанная. Он пока еще не понимает, что Семья — первична, что бы в ней ни происходило. Он еще тянется пока к справедливости в общечеловеческом плане. Вот некорректный виртуальный пример: ты случайно на машине сбил беременную, и она умерла. Для Дениса это ничего не изменит. А для Егора?

«Старпом» резко замолчал, исчерпав все свои аргументы. Александр Сергеевич улыбнулся, поняв, что выиграл спор и на этот раз, не дав себя убедить:

— Да-а, навел ты тень на плетень... Получается, по-твоему, что пока наш Як-Ястребок Юнкерсу не товарищ... Да насрать! Я тут читал воспоминания одного немецкого аса: «...русских „Яков“ было немного — на меня навалились пятеро». Это я шучу, конечно. Ну а если серьезно — я в Егора верю. Свой он. На улицах не воровал, это верно, но — в паре налетов участвовал, ты этого не знал, верно?.. Если таким, как он, заранее не верить — тогда жить неинтересно. И потом, что мы горячимся раньше времени? Действительно, ведь еще и его самого спросить надо...

Ермилов только усмехнулся, не обманываясь последней фразой Юнкерса. Юрий Петрович понял, что судьба Егора Якушева практически решена.

II. ЯКУШЕВ

*Прошлое: 1996, 1997
и совсем немного настоящего 2000 г.*

Надо сказать, что Егор Якушев, не ведавший о том, какая карьера уготована ему Юнкерсом, действительно участвовал в налетах. Точнее, в налете — поскольку случай такой был всего один, зато какой! Именно та история подарила Егору прозвище Ястребок. Дело было в 1996 году, в сентябре, когда Егор только-только приступил к занятиям на втором курсе юрфака. Юнгеров еще вовсю чалился, на хозяйстве в его коллективе были Женя Шохин и Денис Волков, которым Александр Сергеевич поручил за парнем присматривать и «в блуд не втравлять». Ну поручил так поручил. Егорку и не таскали с собой на «стрелки», не давали никаких щекотливых поручений, но — юноша все-таки крутился, так сказать, в «среде обитания» Дениса и Жени, а среда эта была, мягко говоря, стремной. Ну а как иначе могло быть? Девяносто шестой год на дворе

стоял, самое, можно сказать, бандитское времечко. Со всей его колоритной этнографией. Егорка, само собой, в этой тусовочке был почти своим — в молодые годы люди знакомятся легко и непринужденно.

Так вот, среди прочих аборигенов Бандитского Петербурга жили-были в то время два налетчика: Крендель да Сибиряк. Не сказать чтобы были они шибко дерзкими. И везучими их тоже назвать было трудно — не жировали ребята. Про них весь Центр знал, многие опера получали информацию, но до реализации дело все как-то не доходило: то не с руки кому-то, то — не до них, а один опер «выстроился» было, да и свалился с приступом аппендицита. Вот и получилось, что хотя их частенько «заметали» и пару раз даже отметили хорошо — но не «приземлили». Было у этой парочки свойство, особенность такая интересная: за что ни возьмутся — ну все наперекосяк. То есть не то чтобы все совсем не получалось всегда, но получалось так, как никто и не ожидал. При этом они еще и лаялись страшно: друг на дружку, как черт на Петрушку. Как говаривала «центровая» сутенерша Тома: «Два друга — хер и подпруга».

Сибиряк был мешковатым молчуном. Он всегда очень тщательно пережевывал все свои мысли. Ему очень хотелось достать анчоусы и съесть их. Он считал, что это такие фрукты, которые растут в Испании. При этом он, как ни странно, обладал неплохим чувством юмора.

Крендель же был бабником и ужасным задирой. Когда он выпивал, то обычно начинал защищать всех, кто сидел рядом с ним, и причем именно тогда, когда этого делать ну никак не надо было бы. Крендель всегда таскал с собой томик Блаватской¹, который обожал читать с разных страниц.

— Ничего не понимаю, но интересно как! — причмокивал он над томиком.

¹ *Блаватская Е. П.* (1831—1891) — известная русская писательница, основательница теософии.

...Да, так вот: как раз в сентябре девяносто шестого года Крендель получил интересную наклейку от одного прохвоста. Этот прохвост был студентом биолого-почвенного факультета и набой дал ни много ни мало, а на квартиру графини. Этот кретин так и сказал:

— Там живет настоящая графиня, ей графский титул еще Екатерина пожаловала.

Сибиряк, правда, попытался вычислить, сколько ж лет должно было бы быть графине, но не смог. Аргументов против у него не было, но что-то его крестьянскую душу настораживало...

Да, стало быть, графиня. А раз графиня, то, само собой, у нее жемчугов-бриллиантов видимо-невидимо.

— Ну не могли же все чекисты отобрать! — убеждал налетчиков студент-прохвост. Налетчики сомневались.

— Чекисты, значит, не смогли, а мы сможем? — чесал в затылке Крендель. Но студент-наводчик все щебетал и щебетал соловьем — дескать, живет графиня одна-одинешенька...

— Ага,— кивал Сибиряк.— И дверь у нее нараспашку... Однако же в итоге налет решили все же совершить. План был намечен грандиозный: представляются бабке историками или журналистами, запихивают графине кляп в рот и валидол туда же (вернее, наоборот), потом собирают жемчуга в огромный мешок — и ноги в руки!

Сказано — сделано. Пошли наши друзья на дело. Надо сказать, графиня-то жила не где-нибудь, а на Невском, а проспект этот обладает магической особенностью — на нем всегда, и чаще всего в неподходящее время, встречаешь знакомых, причем, как правило,— иногородних.

Только Крендель купил у метро газету, чтобы хотя бы знать, из каких они журналистов будут, как Сибиряк встретил какого-то капитана, своего однополчанина, с которым они вместе бедовали на мысе Дежнева. Бедовали так люто, что не зайти в кафе и не выпить по этому поводу было никак нельзя. Короче, через пару тостов стало ясно, что это надолго, и Крендель начал нервничать,

потому что налет срывался. Вот тут в то самое кафе и зарулил Егорка Якушев. Крендель, увидев знакомое лицо, очень обрадовался и тут же взял Егора в подельники, а тот не особо и сопротивлялся — молодость, романтика в заднице играет и, честно говоря, уже достала опека дяди Жени и дяди Дениса — туда, мол, не ходи, этого, мол, не делай, твое дело — хорошо учиться...

Короче, Сибиряк остался пить с капитаном, а грабить графиню пошли Егор и Крендель.

...Первая неожиданность поджидала их прямо в нужной парадной — там на первом этаже находился опорный пункт охраны правопорядка, из приоткрытой двери которого доносилась песня в исполнении Газманова. Налетчики переглянулись.

— Это... это даже хорошо,— попытался успокоить напарника Крендель.

— Ну... смотря для кого,— дипломатично не стал спорить Егор, чувствующий себя стажером.

Медленно, как будто мраморная лестница могла скрипеть, подельники стали подниматься на третий этаж.

— Похоже, информация у вас не «левая»,— разглядывая лепнину, украшавшую парадную, шепнул Якушев.— Лестница явно графская...

— Если что, потом расскажешь! — кивнул в ответ Крендель. Наконец они остановились перед заветной дверью — солидной, с медной ручкой.

— Трудно не вышибить дверь, а решиться на это! — наставническим тоном высказал Крендель мысль чужую, но верную.

— Трудно не сесть, а выйти,— развил тему Егор, подражая «реальным пацанам» и стараясь выглядеть умудренным.

Крендель вздохнул, перекрестился и поднес было руку к звонку, но Якушев в последний момент его удержал:

— Погоди... Дай хоть на газету глянуть!

Старший налетчик протянул младшему купленную газету. Егор развернул ее и хрюкнул:

— Ну ты даешь! Это же... эротика! Мы что, ее о дореволюционных любовниках интервьюировать собрались?!

Крендель виновато вздохнул и, свернув газету в трубочку, решительно нажал на звонок.

— Толик, это ты? — раздалось за дверью.

Егору захотелось детским голосом ответить: «Я, бабушка!» — но напарничек его опередил. Крендель был далеко не дурак и понимал, что представляться сотрудниками эротического издания было бы явным перебором. Выдать себя за историков? Но, как назло, он начисто забыл все, что вычитал из Блаватской. Поэтому он вышел из ситуации по-другому:

— Мосгаз! — рявкнул Крендель и сам ойкнул, вспомнив, что находится в Питере. Однако графиню, видимо, такой ответ настолько удивил, что она безропотно открыла. Крендель надулся от гордости, а Егор, удрученно глянув на напарника, вежливо обратился к хозяйке — маленькой опрятной старушке, растерянно хлопавшей глазами на пороге:

— Здравствуйте! Вы только не нервничайте...

— Ой, — прижала руки к груди и попятилась в глубь квартиры аристократка. — Что-то с Толиком?

— Да что ему будет, — успокоил ее Крендель, вваливаясь в прихожую и оглядываясь. Квартирка была что надо. Егору бросилась в глаза мебель из красного дерева и небольшая, но, похоже, мраморная статуя.

— Слава богу, — облегченно вздохнула старушка и всплеснула руками. — А то он в своем цирке новый номер отрабатывает: видите ли, удерживает на груди «КамАЗ», груженный щебнем! Я так переживаю.

Налетчики растерянно переглянулись. Крендель собрал волю в кулак и, как старший, взял инициативу в свои руки:

— «КамАЗ» — это серьезно... Поэтому — работаем быстро. Так, бабуся, у нас времени мало. Это — ограбление! О-гра-бле-ни-е! Мы — бандиты! Не надо стоять столбом, можно охать, но не громко!

— Ты про фамильные драгоценности спроси! — шепотом подсказал Егор.

— Не учи ученого! — нервно огрызнулся Крендель. Оба экспроприатора суетились, опасаясь внезапного возвращения Толика, вылезшего из-под «КамАЗа». Онемевшую графиню они под руки отвели в гостиную и усадили в глубокий диван. Егор нашел пакет с медикаментами и сунул старушке в руки.

— Правильно! — одобрил действия «стажера» Крендель.— Бабуся сама выберет, что от сердца помогает. Так, все — дуй быстро в соседнюю комнату и шукай там золото-бриллианты. И — шевелись, родной, а то нам самим гипс от черепно-мозговой травмы понадобится!

Дальнейшие события показали, что последней фразой мастер-налетчик сам себя сглазил. Егор шмыгнул во вторую комнату, однако найти там ничего не успел. Его внимание привлекла большая семейная фотография, висевшая в красивой рамке на стене. На снимке огромный человечиче держал на руках семь-восемь взрослых родственников.

— Мамочка! — ойкнул Егор и некоторое время, словно завороченный, смотрел на фотографию, не двигаясь, потому что колени внезапно ослабли. Из ступора его вывел донесшийся из гостиной звук тупого удара с последующим странным чмоканием. Якушев метнулся обратно к поделнику с бабусей. Мизансцена в гостиной выглядела следующим образом: графиня сидела на корточках перед Кренделем, лежавшим на полу в позе политрука, первым шагнувшего из окна и поймавшего подлую фашистскую пулю. Голова неподвижного налетчика была вся в крови.

— Вы чего это? — растерянно спросил Егор. Он начал затравленно озираться, испугавшись, что в квартиру все-таки незаметно вернулся Толя.

— Ох, голубчик, недоглядела я! — запричитала графиня, судорожно ища в пакете с медикаментами бинт и йод. Рядом с поверженным напарником охреневший вконец Якушев увидел огромного бронзового орла,

мощно и гордо раскинувшего свои крылья. Постепенно до Егора дошло, что же случилось...

А дело было в том, что Крендель своим пытливым взором усмотрел, как ему показалось, тайник в старинном резном книжном шкафу. Профессионал квартирных разбоев дергал дверку и так и сяк и наконец уперся ногой и рванул. Шкаф качнулся, и сверху упала бронзовая птица, клюнув налетчика прямо в темя. Весившая килограммов десять скульптурная композиция стояла на самом краю шкафа высотой три с половиной метра, поэтому птица спикировала со скоростью достаточной... Егор застонал, будто ранили его самого, подхватил бесчувственного Кренделя и потащил к двери, на ходу укоряя хозяйку:

— Не по-людски это, бабушка! Он же вам ничего плохого не сделал.

Графиня мелко кивала и виновато разводила руками. У самого порога графской квартиры Крендель застонал, начиная приходить в себя.

— Потерпи, браток,— по-фронтальному пыхтел Егор, пятясь задом.

— Засада-а,— выдохнул Крендель и мужественно прошептал: — Брось меня, спалимся вдвоем.

— Русские своих не бросают! — серьезно ответил Якушев, вытаскивая тело напарника на лестничную клетку. Графиня семенила рядом, пытаясь приложить полотенце к голове пострадавшего. Внезапно на Егора упала какая-то тень, заслонившая солнечный свет из огромного лестничного окна.

— Ой,— ласково сказала бабушка,— Толик вернулся!

— Пиздец! — взвизгнул Егор и зажмурился.— «КамАЗ»!

Человек, похожий на Кинг-Конга, что-то рыкнул, одной рукой взял Кренделя, свисавшего со спины Якушева, приложил к своей необъятной груди, как ребенка, и побежал вниз. Егор решил, что Толик понес его в опорный пункт охраны правопорядка, но цирковой монстр стремительно выбежал на улицу. В «опорнике», кстати, все было хоро-

шо — там теперь рыдала над несчастной женской долей Татьяна Буланова. Якушев опомнился и, успев вежливо сказать графине «до свидания», бросился за унесенным другом — кто его знает, этого Толю, может, он решил на помойку тело выбросить? Но силач Анатолий, как оказалось, просто хотел помочь — он уже ловил машину. Егор еще долго кланялся и благодарил его, прежде чем уехать...

Ночью пьяный Сибиряк менял повязку раненому другу и приговаривал:

— Ох и повезло же вам! Если бы не попугай чугунный, то этот Толя вас бы к себе в цирк забрал! У него был бы новый номер — жонглирование тушками прибрандиченных придурков! Алле — ебс, ебс, ебс!..

Егор молчал. У него, как у вышедшего из первого боя, просто не было слов.

В этот момент в дверь позвонили — это явился студент-наводчик, который так торопился получить свою долю за разбой, что не смог дожидаться утра.

— Ну как? — с тайной надеждой спросил студент-прохвост, как только Сибиряк распахнул перед ним дверь.

— Каком кверху! — ответил Сибиряк и резко вжарил горе-наводчику под дых. Студент икнул и, падая, разбил себе голову, так что его тоже пришлось перебинтовывать...

Через неделю они все вчетвером пошли в цирк. По Анатолию во время выступления ездили машины, а он рвал корабельные цепи. Двое из славной четверки стеснительно прикрывали лица программками. На двух головах красовались чалмы из бинтов. Когда Толик, раскланявшись, гордо ушел с арены, Сибиряк повернулся к съезжившемуся рядом студенту, своему дальнему родственнику:

— Еще один подобный выкрутас с твоей стороны, и я расскажу этому... виконту занимательную историю про его бабушку и провороненные чекистами жемчуга! Понял, урод?

— Понял,— прошептал студент. Кстати, после того случая он стал жить почти честно.

А Крендель навсегда возненавидел антиквариат и почему-то голубей. Конечно же, тема эта стала широко известной в узких кругах, правда, реагировали на нее по-разному. Денис Волков, тот ржал как сумасшедший, а Женя Шохин, наоборот, ничего смешного и веселого не увидел и надавал Егору подзатыльников. Контроль за Якушевым был усилен, и больше он в сомнительные бандитские истории не попадал, хотя, конечно же, кое-какие приключения с ним происходили: а куда деться, если на определенные гены накладываются молодость, характер и воспитание, полученное в специфической среде?

Один такой случай произошел почти ровно через год после памятного налета, но этот эпизод был полностью противоположным эпозее с бронзовой птицей. На этот раз Егор, как и положено будущему юристу, наоборот, проявил высокую гражданскую сознательность — правда, совершенно неожиданно для самого себя.

Все вышло случайно. Якушев засиделся в факультетской библиотеке и уже достаточно поздним вечером побрел по Малому проспекту Васильевского острова к метро. На углу 15-й линии прямо перед его носом пронесли по направлению к Среднему три какие-то личности. Егор остановился и поправил сумку, которую задел один из бежавших, — и тут же ее снова зацепил и сбросил ремень с плеча четвертый, бежавший за тройцей следом. Якушев, которого аж крутануло на месте, выругался и хотел было догнать толкнувшего его человека, чтобы отвесить ему пендель, но вдруг увидел, как этот четвертый выдернул из-за пазухи пистолет.

— Стоять! — заорал гнавшийся за троими и выстрелил в воздух. Троица резко сбросила темп движения. А человек с пистолетом попытался выстрелить еще раз — видимо, чтобы окончательно убедить убежавших остановиться. Выстрела не последовало — по-видимому, переклинило патрон в патроннике. Человек ругнулся и начал нервно дергать затворную раму.

Она не желала поддаваться. Те, за кем он гнался, оценили этот момент. Они переглянулись и, рассыпавшись дугой, двинулись к своему преследователю — но явно не с целью сдаваться.

— Ну что, дядя Степа¹, гавкнула твоя плеточка? — зло выдохнул один. — Сейчас отберем твою пукалку, получишь завтра пиздюлей от начальства!

Егор даже не успел понять, что человек с пистолетом был, видимо, сотрудником милиции, догнавшим тех, кого он хотел задержать. Якушеву просто понравилось, что парень не попятился, а перехватил пистолет, как ударный инструмент, и шагнул троице навстречу. На помощь он не звал. Вот эта его лихость все и определила — Егор принял решение мгновенно и направился к месту намечавшейся схватки. Все четверо не обращали на него внимания, поглощенные исключительно друг другом, — а зря, между прочим. Когда трое бросились на одного, Якушев уже практически поравнялся с ними. Незнакомец успел встретить одного рукояткой пистолета в голову, но остальные двое кинулись ему в ноги и повалили на асфальт. Незнакомец отчаянно брыкался, но один уже выкручивал из его руки оружие, второй, схватив за волосы, пробил коленом в лицо. Человек по-прежнему молчал и продолжал сопротивляться. Егор с хорошего замаха ноги пыром ударил одного из нападавших в голову, а второго, уже вырвавшего пистолет и поднявшегося, швырнул через себя, словно на тренировке на борцовском ковре. Вот только асфальт — не ковер, особенно хорошо это ощущается при вхождении в него головой. Незнакомец, шатаясь, встал, первым делом бросился к своему оружию, выпавшему из руки повстречавшегося с асфальтом гражданина, а потом дошел до того первого, кого он ударил рукояткой. Тот сидел на четвереньках и

¹ В преступном мире так иногда называют сотрудников правоохранительных органов, видимо, в честь дяди Степы — милиционера, героя детской поэмы Сергея Михалкова.

держался за голову. Драться он явно больше не собирался. Тем не менее спасенный Егором парень чуть обошел сидевшего и, тяжело дыша, еще дважды ударил его пистолетом по голове. Потом он повернулся к лежавшим и, все так же молча сопя, несколько раз пнул их ногами. И только после этого взглянул на своего спасителя:

— Ты кто?

— Я? Егор, — чуть растерянно ответил Якушев.

— Так, — кивнул незнакомец. — А я — Валера. Будем знакомы. Ты кирпичей поблизости не видишь? Или камней больших?

— Нет, — удивленно оглянулся вокруг Егор. — А что?

— А ничего, — сказал Валерий. — Надо бы этих пидорасов еще камнями.

— Зачем? Они же уже не рыпаются...

— А для науки... Чтоб знали, как на мента руку поднимать.

Егор промолчал. Он не мог понять, шутил парень или говорил всерьез. Валерий наконец-то отдышался, отряхнулся кое-как и, так и не поблагодарив за помощь, сказал:

— Так, Егор. Раз уж ты тут так вовремя оказался, помощи-ка еще мне, брат, доставить это мясо в шестнадцатое¹, тут недалеко.

Якушев начал было отнекиваться, потому что ему не очень хотелось выступать в роли дружинника: дракато — это одно дело, тем более когда трое на одного, а помощь в приводе — совсем другое... Но Валера обладал достаточным командирским напором и от неуверенных возражений просто отмахнулся...

Уже в милиции выяснилось, что оперуполномоченный Валерий Штукин почему-то в одиночку решил задержать трех ранее судимых за разбой граждан — они к тому же еще и находились в федеральном розыске.

¹ 16-й отдел милиции находится на набережной Лейтенанта Шмидта.

В прокуренных кабинетах уголовного розыска Егору пришлось провести пару часов — его опрашивали, давали что-то подписывать, все куда-то носились — в общем, Якушев совсем одурел от этой суеты. Под конец, когда его уже отпустили домой, в отделение нагрянул какой-то большой начальник. Все забежали и засуетились еще больше. Начальник решил лично пожать руку герою. Якушеву снова пришлось представляться и рассказывать, как оно все так получилось. Узнав, что Егор учится на третьем курсе юрфака, большой милицейский чин обрадовался и, улыбаясь глазами, обернулся к стоявшему тут же рядом Валерию:

— Ну, Штукин, хорошо хоть, что твой спаситель — юрист, вроде как близкий нам по профилю. А то спас бы тебя какой-нибудь гражданский математик — стыдоба бы замучила. Ты все, я смотрю, геройствуешь? Голой жопой на раскаленные гвозди? Ну-ну. На этот раз — могло бы и не прокатить.

Штукин только усмехнулся в ответ. Начальник построжал:

— Чего лыбишься? Думаешь, если я тебя в прошлый раз спас, то и на этот раз стал бы из говна вытаскивать?

Валерий что-то буркнул в ответ. Егор понял, что у начальника и этого Штукина уже была какая-то интересная история, но расспросить он, конечно, постеснялся.

— Ладно, студент, — повернулся начальник к Егору. — Молодец ты. Очень нам помог. Мы тебе на факультет официальную благодарность пришлем.

— Да не надо! — вскинулся было Якушев, но его возражения приняты не были.

— Надо-надо! И поверь, это самое малое, что мы можем сделать. И обязаны сделать — не только для тебя, сынок, но и для себя — чтоб людьми себя не перестать чувствовать. Люди — они за доброе дело всегда должны спасибо говорить — чем могут. Вот мы тебе и скажем. И стесняться тебе, парень, нечего — ты хороший мужской поступок совершил. Эти трое — те еще хрюны, с

биографиями. Так что... Побольше бы таких, как ты. И нам бы — побольше. Ты, часом, после учебы в милиции не хотел бы поработать?

— Да я как-то...— совсем смутился Егор, по понятным причинам считавший милицию социально чуждой.

— Понятно,— чуть по-иному понял его смущение начальник.— После юрфака-то в уголовный розыск вроде как не очень престижно... Зато у нас весело. И орлы такие — не соскучишься...

(При этих словах Штукин сделал вид, что потупился.)

— Ладно, студент. Ежели все же надумаешь к нам — я поспособствую. Зовут меня Виталием Петровичем, фамилия — Ильяхин, звание — полковник, должность — заместитель начальника уголовного розыска. Учись, думай. Если что — найдешь меня, сообщишь как. Спасибо еще раз.

...Когда Егор вышел на набережную, он поймал себя на том, что добрые и искренние слова Ильяхина ему очень приятны, но он как бы стесняется этого. Удивительного в этом ничего не было — в глазах «наставников» Якушева, таких как Денис и Женя Шохин, похвала от ментов выглядела, прямо скажем, неочевидным достоинством. При этом Егор понимал, что они оба совсем не осудили бы его за совершенный поступок, скорее, даже наоборот, но... Но все равно это было, как бы это сказать... не по понятиям, что ли...

Так что эту свою историю Егор от Дениса и Жени скрыл — скрыл и про пришедшую на факультет благодарность, которая, кстати, даже помогла ему легче сдать сессию — по юрфаку весть о его подвиге разлетелась мгновенно. Не рассказал он об этом случае и только-только освободившемуся Юнгеру — но не потому, что «не по понятиям», а чтобы не выглядело хвастовством...

Вспомнил Егор об этом своем приключении только в странном разговоре с Александром Сергеевичем, состоявшемся через несколько дней после сорокалетия Юнгера. К слову пришлось — ведь Юнкерс как раз и

начал уговаривать Якушева идти работать в уголовный розыск. Александр Сергеевич даже как-то неожиданно обрадовался, историю оценил, попенял за то, что раньше ничего не знал о ней. Конечно же, Юнгеров уговорил своего воспитанника. Уговорил и настойчиво посоветовал заход в уголовный розыск делать именно через полковника Ильюхина.

III. ИЛЬЮХИН

9–11 ноября 1999 г.

Информация, которой Ермилов «обрадовал» Юнгерову и которой тот, конечно, не стал делиться с Егором, была не только не совсем корректной, но и не совсем точной. И Юнкерс, наверное, удивился бы, если бы узнал, что самое прямое отношение к этой теме имеет тот самый Ильюхин, через которого он посоветовал действовать Якушеву...

...Заместитель начальника Управления уголовного розыска ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области полковник милиции Виталий Петрович Ильюхин был мужчиной жестким, обладал взрывным, но отходчивым характером, тело же его и мысли были стремительными, несмотря на то что возраст уже перевалил за сорок шесть. В работе он уважал надрыв и не переваривал словосочетания «не могу». При этом с подчиненными он общался, используя в основном иронично-вежливую интонацию, что придавало ему какую-то трудноописуемую старорежимность. Он очень уважал жизненную правду, любил пить холодную водку под горячую картошку и презирал пухленьких мужчинок. Однажды он увидел собачку породы левретка — долго не мог понять, что это такое, а потом его, привыкшего к трупам самой разной живописности, затошнило. Перед ним трепетали, хотя

голос он повышал редко. Сотрудники его очень уважали и уважать не переставали даже тогда, когда с треском вылетали из его кабинета: упаси бог перед Ильюхиным надувать щеки, не владея ситуацией! Руки полковник, конечно, не распускал, но бумаги на пол мог швырнуть запросто. Вернее, даже не швырнуть, а брезгливо так из рук выпустить...

При реализации информации по особо опасным группам он всегда заходил в адрес первым. И рывкал он при этом следующее: «По норам, суки!» — в чем совпадал, кстати, со своим коллегой Крыловым. (Сотрудники еще шушукались у них за спинами — кто же с кого слизал вот это «по норам». Практически никто не верил, что никакого плагиата не было. Просто никто особо не прислушивался, какую интонацию два полковника вкладывают в обращение «суки», — а она у них была принципиально разной. Трудно, конечно, копать в таких нюансах, но для составления верного психологического портрета — полезно. Так вот, Ильюхин слово «суки» произносил с привычной матерно-ругательной интонацией. «Сука» же в исполнении Крылова имела явное отношение к понятию «ссученный вор», и это очень сильно меняло оттенок фразы.)

Да, так вот Ильюхин был матерым пинчером, который никого не жалел, но и к себе относился столь же бесцеремонно. В управлении придумали про него поговорку: «Есть плохие менты, есть хорошие легавые, а еще есть Ильюхин».

...Виталий Петрович очень хорошо помнил, когда именно завертелась вся эта история, — на следующий день после празднования Дня милиции... Хотя нет, на самом деле все, наверное, началось за день до 10 ноября...

Ну да, конечно, это было накануне Дня милиции, 9 ноября. Именно в тот день с утра Ильюхин понял, что вокруг персоны Юнгерова идет какая-то нездоровая возня. А понял это Виталий Петрович, когда внимательно всмотрелся в бумаги, с которыми к нему на подпись пришел начальник «угонного» отдела майор Филин. В бума-

гах этих предлагалось ни много ни мало осуществить определенные технические оперативные мероприятия в отношении Александра Сергеевича Юнгера, так как он, предположительно, мог иметь отношение к «каналам транспортировки в Россию автомобилей, угнанных в Европе». Прочитав обоснование, полковник вздохнул и посмотрел майору в глаза:

— Вот читаю я бланки, заполненные тобой с большой любовью к делопроизводству, и восхищаюсь твоей щенячьей глупостью.

— Не понял вас,— достаточно резко вскинулся Филин, но Виталий Петрович продолжал, будто не услышал его реплики:

— Потрясающе! Кругом жопа — и ладно бы круглая. А то квадратная, неприятная... По твоей линии серия отъемов дорогих тачек — а результаты пока нулевые! Притом каждый второй терпила¹ — черт-те кто и с боку зонтик. Все со связями, поэтому звонки мне идут со всех уровней: найдите, помогите, пресеките! Причем уровни в основном намного выше нашего! А мне сказать пока нечего, я только крикаю, надеюсь, майор, на тебя. А ты мне на подпись разработочку подкладываешь! Да какую! Оказывается, есть в нашем городе губернском мафиозный дон Юнгеров! Да что вы? Как? Откуда? Какая новость!

Ильюхин сжал зубы и спросил через короткую паузу:

— Ты мне скажи: ты эту вот информацию из газет вырезал или у тебя в отделе Интернет подключили? А?! Черт его знает что... «Следствие ведут колобки»...

На щеках Филина проступили пятна нервного румянца:

— А собственно, почему такой тон, Виталий Петрович? Вы полагаете, что Юнгера не в чем заподозрить или эта фигура не по нашему, так сказать, рангу?

Полковник покачал головой и очень невесело усмехнулся, прекрасно понимая, что Филин просто «включает дурака»:

¹ Потерпевший.

— Заподозрить Юнкерса, конечно, есть в чем. Последние годы его какие только службы не подозревали — понту мало оказалось. И ранг тут твой ни при чем. Я вообще не очень понимаю, какое касательство уголовный розыск имеет до Юнгерова. Мы что — РУБОП? Или господин Юнгеров от тоски да с перепою действительно начал угонами заниматься? Тебе самому-то не смешно?

Пятна на щеках Филина расцвели еще ярче; но он забормотал, совершенно не желая сдаваться:

— Зачем же так?.. Один из доходов его «империи», пусть и не основной... Левые борта с Европы...

Когда-то давно Филин был штурманом, поэтому, особенно когда он волновался, в его речи проскакивали авиационные термины.

— «Борта» — передразнил его Ильяхин.— Вэвээс! «Ассу» смотрел?.. Ты и мыслишь-то в рамках рапорта.

Полковник хотел было кое-что объяснить майору, но передумал. Формально Филин обставился так, что за хвост его было не поймать. Виталий Петрович раздраженно схватил книгу, лежавшую на столе (написанную одним его знакомым из Крыма), и завертел ее в руках. Книга называлась «Дореволюционная периодическая печать Таврической губернии». Ильяхин внезапно разозлился на этого своего знакомого: полковник очень уважал чужой труд, но никак не мог понять — как можно писать такие книги, когда вокруг столько всякого интересного? (Ильяхину никогда не приходило в голову, что кто-то может задаваться почти таким же вопросом, но в его адрес: как можно таскать из подвалов куски расчлененных трупов, когда вокруг столько всякого интересного.)

Пауза затягивалась. Наконец Виталий Петрович со злостью швырнул книгу на стол и снова посмотрел на Филина:

— Ну так что: большие доходы у Юнкерса с угонов? А? А может, он тачки в Азию гонит через Калмыкию?

— Если вы против...— сглотнул слюну Филин, но полковник снова не дал ему договорить:

— Если через Калмыкию — против, потому что это беспредел! Другое дело, если бы он через Хакасию гнал...

Филин засопел, но сдержался:

— Я имел в виду... Вы принципиально против разработки? Тогда скажите почему. Начальник — вы...

Вот тут уже не сдержался Ильюхин:

— Я против знаешь чего? Против «левых» заказов со стороны, которые отвлекают силы от основной работы! Да, конечно, зарплаты у нас маленькие! Да, все кушать хотят! Но только халтура халтуре рознь! Ребятки, Юнгера «вежливые люди» заебались разрабатывать!

(«Вежливыми людьми» полковник называл эфэсбэшников — давно, еще со времен КГБ.)

Виталий Петрович кивнул на лежавшие перед ним бумаги:

— Скажи, вот эта вся липа — это для того, чтобы Юнкерсу ПТП¹ поставить?

— А почему нет?! — начал все же срываться на злость Филин.

— А потому, что мы пилоты! А небо наш родимый дом! Твою мать, а? Да у тебя под двадцать терпил, которые самых-самых навороченных иномарок лишились! Ну почему вы не хотите нормально с ними договориться, потом нормально поработать в рамках своих непосредственных обязанностей, а потом получить свои честно заработанные «премиальные»? Не-ет... Тут въезжать надо, чтобы терпиле машину вернуть. А ПТП — тут и делать-то ничего не надо, правда? Хоп — и бабки на кармане, все довольны... Куды ты лезешь? Ты не понимаешь, что с огнем играешь? Хорошо еще, что ты ко мне пришел, а не к Крылову. Крылов бы с тобой разговаривать не стал — ты бы уже писал секретный рапорт о том, кто тебя и твоих орлов надоумил на это, откуда заказ поступил. И все бы ты, друг сердечный, написал!

¹ ПТП — прослушивание телефонных переговоров.

В том числе и про то, почему нынче ОД¹! А потом Юнгеров бы вас перекусил, как в фильме ужасов!

— Почему? — оторопел майор.

— Потому, — устало ответил Виталий Петрович. — Я смотрю, тебе последнему неизвестно то, про что даже журналисты знают. Сходи к Обнорскому в Агентство журналистских расследований. Проконсультируйся. Может, он тебе расскажет про Крылова...

Филин занервничал, не понимая, переступил с ноги на ногу и решил спросить:

— А... а есть разница между вами и Крыловым?

— Есть. Хочешь спросить, в чем именно она заключается?

— Так точно.

— Объясняю. Крылов — не человек Юнгеров. Юнгеров — не человек Крылова. Но! Они просто друзья, понимаешь? Еще с лагеря. А я им не друг, хотя врагом тоже не объявлялся. Понял теперь?!

Майор настолько охренел и испугался, что тут же выдал перл:

— С лагеря... Крылов что, сидел?! Ильяхин даже застонал:

— Все! Иди на хуй, друг-разработчик! Боже ты мой!

Филин резко развернулся к дверям, но полковника его задержал:

— Постой-ка... Дай-ка я тебе еще дожую, а то, боюсь, ты до конца еще не понял... Заказец на Юнгеров, который кто-то из твоих оперков откуда-то приволок, — дело хорошее... Ну а прокатило бы у вас, подписал бы я, не вчитавшись... А вы подумали о том, что заказчик этот — он бы почитал добытые вами сводки, кое-что узнал бы про Юнгеров, потом то да се... А потом кто-то Юнкерса завалит... И?!

— Вы считаете, что мы помогаем тому, кто собрался Юнгеров валить?!

¹ ОД — оперативное дело.

— Помолчи, пожалуйста! Я не к тому, что это ляжет на вас! Юнгера и кто-то другой завалить может! И тогда Крылов начнет рыть! И наткнется на вашу липовую разработку, непонятно для кого сделанную. И вот тогда невежливые люди (а у Юнкера есть такой Денис — ой, он невежливый бывает) будут вопросы задавать, и вам придется на них отвечать! А ответы они не в прокуратуру направят, что было бы для нас геморройно, но переживаемо. Куда? А туда! И еще потом пару трупов оформляй! Нравится такой расклад? Думаешь, такого быть не может? Очень даже может. Так что опомнитесь, господа разведчики. Иди.

Филин потянулся было за своими бумагами, но Ильяхин властно прихлопнул их пятерней. Майор, весь в красных пятнах, вышел.

Полковник закурил. Он злился на себя за то, что разметал бисер и предупредил Филина. Крылов-то бы над ним поизгалялся всласть... Виталий Петрович задумался. Крылов... В принципе, Ильяхин мог бы и без Филина выяснить, откуда пришел заказ. Скорее всего — от каких-то конкурентов Юнгера... Выяснить точно, а потом случайно сказать Крылову... Коллега бы оценил это «случайно». Но... Но что-то мешало Виталию Петровичу так поступить. Крылов тянул Ильяхина в компанию Юнгера, но Виталий Петрович тактично уклонился, хотя знал, что «империя» Юнкера давно отошла от уголовщины... И тем не менее... Полковник брезгливо полистал оставленные майором бумаги: предлагаемая разработка имела условное наименование «Дьявол».

«Идиоты...— скривился Ильяхин.— Они бы еще назвали „Диабл“. Какой же он... Демон он печальный (Ильяхин вспомнил стихотворение Лермонтова „Печальный демон, дух изгнания, летал над грешною землей...“ и т. д.), Юнгеров...»

Ильяхин помнил, как его сажали. Помнил, как после ареста Александра Сергеевича несколько старших офицеров уговаривали одного директора универмага: «Все,

нету больше группировки Юнкерса! Они теперь — на долгие года! Так что смело можете давать правдивые и исчерпывающие показания». Директор осторожно поинтересовался: «А „долгие года“ — это примерно сколько?» «Да лет пятнадцать!» — в азарте пообещали сотрудники. «А вы полагаете, молодые люди, что я себе всего пятнадцать лет жизни отмерил?» — улыбнулся их молодости мудрый директор...

Ильюхин лично с Юнгеровым знаком не был, но слышал о нем, конечно, много. И многое в этой фигуре импонировало полковнику. Виталий Петрович хорошо знал историю посадки Юнкерса, знал и подоплеку, достаточно мерзкую, сводившуюся все к той же войне кланов и имевшую не очень большое отношение к законности. Многие в той истории отличились, показали себя во всей красе. Ильюхин-то, слава богу, в том дерьме не замарался, он просто видел, как замарались другие... Наблюдал и молчал. А что ему — к журналистам надо было бежать? «Ой, у нас тут известного бандита сажают по заказу его врагов на надуманных основаниях...»

Тогда многие считали, что, когда бандиты расправляются друг с дружкой руками милиции,— это хорошо. Воздух чище будет... Уже когда Юнгеров сидел, Ильюхину довелось впрямую столкнуться с его «оппонентом». Этот «оппонент» пересекся в одном бизнес-вопросе со школьным товарищем Виталия Петровича и проявил себя очень нехорошо. Правда нехорошо, но в рамках закона. Товарища своего Ильюхин защитил, а «оппоненту» не преминул показать в личном разговоре кое-какую свою осведомленность о совершенной некогда подлости:

— Вы думаете, когда Юнкерс выйдет — он вас из крупнокалиберного пулемета расстреляет?

— А что, есть информация? — не понял такого юмора и испугался воротила бизнеса.

— Есть кой-какая... — с деланным безразличием повел бровями Ильюхин.

— Так поделитесь... Это же все меняет! — Бизнесмен имел в виду свое резко изменившееся отношение к товарищу Виталия Петровича.

Ильюхин серьезно посмотрел в пороссячью морду капиталиста и без улыбки сказал:

— Говорят, он вас собирает топором зарубить...

До «оппонента», наконец, дошло, что над ним издеваются, и Виталий Петрович нажил себе еще одного недоброжелателя...

Полковник вынырнул из воспоминаний и попытался сосредоточиться на дне сегодняшнем. Так предупредить все-таки Крылова или нет? Ильюхин не мог понять своего отношения к этому человеку, занимавшему такую же должность, что и он сам. Не мог — и от этого раздражался. А когда Виталий Петрович уставал или раздражался, не находя ответов на вопросы, которые задавал сам себе, он норовил проехаться по территориальным подразделениям уголовного розыска — под любыми, часто совершенно надуманными предлогами. Для Ильюхина «территория» всегда была своеобразным «душем» от усталости, склок и бумаг, пусть даже самых интересных. Полковник страшно любил грязные, прокуренные «кельки» отделений с их вечным цинизмом, сторублевыми гешефтами и сплошной отчетной липой с рукоблудством.

Вот и сегодня Виталий Петрович решил поехать в 16-й отдел — так в последнее время переименовали отделение. Ильюхина часто тянуло именно на набережную Лейтенанта Шмидта — там когда-то работал начальником розыска его друг, Василий Токарев...

В машине полковник почти успокоился — вот только правый ботинок почему-то стал сильно жать на большой палец, словно там какой-то внутренний шов вылез. Ильюхин этот ботинок и снимал, и изнутри подошву щупал... «внутренний шов» не исчезал. Когда доехали до 16-го, полковник бросил водителю:

— Я тут жалом повожу, а ты — в управление. Загляни в квартирный отдел, спроси, не нужны ли колеса. Отсюда доберусь сам.

— Вас понял,— кивнул водитель. Его звали Пашей Юртаевым, и он работал с Ильяхиным не первый год. Знал полковника получше многих оперов, но никогда ни с кем о Виталии Петровиче не сплетничал. Паша не заикался и о вечных переработках — вкалывал, не жалея ни себя, ни подвески. Ильяхин его никогда не хвалил, зная, что Юртаев умудряется халтурить, и не где-нибудь, а у дорогих отелей... А там, где иностранцы, там и... много чего остального-всякого. Как-то раз Виталию Петровичу принесли рапорт по поводу Юртаева: дескать, примите меры... использует служебный транспорт в целях нездорового обогащения... ну и так далее. Ильяхин сбросил писульку со стола, сказав принесшему ее только одну фразу: «Жопу подотри!» Об этом узнали все, кто надо, и угомонились по поводу Паши навсегда...

Полковник вошел в 16-й отдел и, не привлекая к себе внимания, проследовал к двери в уголовный розыск. Дверь была приоткрыта. Ильяхин тихо прошелся по коридорчику и прислушался. В одном из кабинетов раздавались крики.

— Ты тупорылый, Кеша! Даже на конкурсе тупорылых ты займешь второе место, потому что тупорылый! Я тебе с ночи долдоню: сосед сверху тебя опознать может — это раз! Олешка, кореш твой, не сука и молчать не будет — это два! В хате у тебя скатерть со скока¹, в которую вы вещи заворачивали,— это три! Хули тебе еще надо?

— Это тебе, начальник, надо, раз ты четвертый час надрываешься,— откликнулся, видимо, тугодум Кеша.

— Ты действительно без пиздюлины не понимаешь? А?!

— Если у тебя на руках все козыри — так веди на парашу! А явка² смягчает вину, но увеличивает срок.

Ильяхин улыбнулся, вспомнив себя молодым, и вошел в кабинет. Из троих находившихся в этой комна-

¹ Скок — разбой или грабеж.

² Имеется в виду так называемая явка с повинной.

тушке в лицо его не знал никто. С битым воров Кешей полковнику пересекаться не доводилось, а оперуполномоченные Володя Потемкин и Боря Уринсон были еще совсем салагами.

— Дядя, тебе чего? — обернулся к вошедшему Потемкин.

Именно он только что отвесил Кеше звонкий подзатыльник. Володя был парнем здоровым и характер имел «штурмовой». Наверное, он был бы незаменимым офицером в десанте. Борис Уринсон считал себя интеллигентом, потому что жил с художницей и поэтому несколько раз ходил на выставки. Он любил подолгу и издалека разговаривать с жуликами.

— Не «чего», а «что»! В театр мало ходите, молодые люди. Сквернословите громко, руки распускаете... Это же незаконно...

Полковник аж разулыбался про себя: «Попались, голубчики». Брови Потемкина поползли вверх:

— Ты... правозащитник! Ты из-под какой коряги вылез?

— Так... мимо проходил...— Полковник пожал плечами и по-хозяйски уселся на стул спиной ко второму оперу. Умного Уринсона эта борзость чуть насторожила.

— Документ! — рявкнул Потемкин.

— Называйте меня просто: Евлампием Барбитура-товичем,— ласково улыбнулся Виталий Петрович.— Ильяхин мое фамилие.

Уринсон начал приветствовать за спиной полковника, он хотел состроить рожу Потемкину, но не успел.

— Слушай, ты, Дормидонт...— Потемкин тоже не успел закончить фразу — и, наверное, к лучшему. В кабинет влетел неизвестно как пронюхавший о визите начальства начальник уголовного розыска района Ткачевский и гаркнул:

— Товарищи офицеры!!!

Потом Ткачевский начал бодро докладывать о проводящихся оперативно-розыскных мероприятиях.

Потемкин стоял по стойке «смирно» и смотрел в потолок. По окончании доклада Ильюхин кивнул Ткачевскому и спросил ласково опера:

— Ну-с, отец Ебукентий, что соколом не смотришь?

— Не признал начальства! Гитлер капут! — Потемкин перевел виноватый взгляд с потолка на полковника.

— Напрасно, друг мой,— хмыкнул Виталий Петрович.— Начальство надобно либо по харям узнавать, либо спинным мозгом чувствовать. М-да... А что до твоего раскаяния — так колоться и на суде не поздно. Правда, Кеша? — На последних словах Ильюхин резко повернулся к задержанному и ласково потрепал его по загривку.

Кеша дернул ноздрями, сбросил ногу с ноги и от неожиданности подтвердил сентенцию полковника относительно раскола на суде:

— Ага... Но лучше по одному... за группу больше дают.

Фраза эта вырвалась у Иннокентия машинально и чуть ли не против его воли, чему сам задержанный очень удивился, а потому насторожился и лихорадочно начал просчитывать свои шансы в неожиданно изменившейся ситуации. Полковник смотрел на уголовника с поощрительной, почти ласковой улыбкой.

Кеша был ловким, дважды судимым квартирным воров и потому на чистосердечное признание смотрел здраво, то есть как на фраерскую блажь. Своих Иннокентий не сдавал, правда, своими считал всего нескольких воров на свете. Через несколько секунд задержанный внутренне решил и обозначил привставание:

— Товарищ генерал...

— Слабо, Кеша, слабо! — добродушно улыбнулся Виталий Петрович и правой рукой мягко усадил вора обратно: — Ты присядь... Поведать чего хочешь?

Кеша заерзал задом по зеленому табурету, на котором кто-то когда-то умудрился вырезать душераздирающую надпись: «Отсосете, козлы!»

— Мне бы потолковать с вами с глазу на глаз.— Голос Иннокентия упал почти до шепота.

Полковник закивал, словно ему предложила что-то очень приятное и интересное симпатичная женщина:

— Вопросов нет! Всегда рад потолковать с бывалым человеком.

Ильяхин поднял глаза на стоявших по стойке смирно Ткачевского, Потемкина и Уринсона и негромко скомандовал:

— Все на выход!

Ткачевский выставил оперов из их собственного кабинета чуть ли не пинками и аккуратно прикрыл за собой дверь. Ведя Потемкина и Уринсона по коридору к своему кабинету, Ткачевский на всякий случай продолжал тактично и всепонимающе улыбаться. И только закрыв плотно дверь своего «бункера», начальник уголовного розыска района начал орать, но не очень громко. Орал Ткачевский минуты две, и все больше затейливым матом, так что самыми цензурными словами в этой страстной речи были, наверное, «пидормоты» и «головажопусы». Потемкин и Уринсон вздыхали и перебирали пальцами свою одежду, словно пятиклассники, попавшиеся в школьном туалете завучу за курением...

Между тем Кеша, оставшись наедине с полковником, без спросу схватил сигарету из лежавшей на столе пачки, нервно затянулся и забормотал:

— Короче, я вижу, ты здесь начальник...

— И не только здесь,— чуть «поджал» Виталий Петрович. Кеша кивнул:

— И это я вижу. Я это... не первоход, оперов знаю... ты вкуриваешь? Так вот: на мне сегодня одна квартира, больше не наскребете, да и с ней надо еще попариться... ты не злишься... Зато я знаю за налет, что был на Суворовском третьего дня.

Полковник мгновенно напрягся:

— Это тот, что с трупом и похищенной картиной Клеверова?

Иннокентий заинтересованное напряжение почувал мгновенно, а потому начал разгонять сигаретный дым уже чуть ли не вальжными движениями руки:

— То, что жмурик на них, я не слыхал, но... но это даже к лучшему. А клевер там или ромашка — я не спец... но если дам адресок того, кто взял картину... да и остальной хлам... А? Как?..

— Заманчиво,— повел шеей Виталий Петрович.— А адресок-то точный или на глазок — вроде «третий этаж в четвертом или пятом парадняке»?

— Точный! — успокоил собеседника Кеша и заржал: — Этот чертополох вам стучит, когда ему надо... а тут просто так хапнул у залетных — видать, барыш перетянул оперативный интерес. Но иногда заглывать хлопотно — крючок могут выдрать вместе с желудочным соком...

Ильюхин, сердце которого застучало, словно дизельный мотор, скрестил руки на груди:

— И что ж за это, если все «в цвет»?

Иннокентий тонко улыбнулся, словно дипломат на официальных переговорах:

— Сам понимаешь: барыга с лету сдаст хлопцев... и их не пляшут!

— И ты ни при чем?

— А как «при чем», ежели он сдает? — изумился вор. Полковник одобряюще усмехнулся:

— Ну ты рысь крученая! Что просишь-то?

Кеша недоуменно повел головой:

— Ну не конфет же в камеру?! Ты ж седой уже волчара: соскакиваю я тогда с квартиры и — краями... Как в море корабли...

Виталий Петрович решение принял мгновенно, но для понта подвигал бровями, повздыхал, похмурился и только через не слишком длинную паузу махнул рукой:

— Черт с тобой! Даю слово, что если картина будет сегодня у меня в кабинете, то ты уйдешь.

Кеша слизнул с верхней губы выступившую легкую испаринку:

— А мне только и полагаться, что на твою порядочность. Смотри, начальник, мне «вышак не ломится»!¹

В последней фразе сильно нервничавший, несмотря на внешнюю раскованность, вор все же не удержался от легкого намека на угрозу. Полковник скривился, будто съел что-то кислое:

— Не порти песню!

— Да я так... для блезиру,— засуетился Кеша, поняв, что ляпнул лишнее: — Извини дурака.

— Бывает,— согласился Ильюхин, подходя к двери и широко ее распахивая: — Ткачевский! Витя! Заводи тарантас, седлай коней, готовь своих кавалеристов к атаке!

Теоретически Виталий Петрович мог бы забрать «тему» к себе в главк, но из педагогических соображений решил не делать этого. К тому же если Кешу отпустить, то именно на 16-м повиснет очередной «глухарь» нераскрытой квартирной кражи — оно, конечно, «глухарем» больше, «глухарем» меньше... Но все-таки... И вообще — Ильюхин уважал и любил «окопы»...

Кеша не соврал. Ткачевский, Потемкин и Уринсон изъяли картину и прочий похищенный скарб быстро, нагло и красиво. Убийц скупщик сдал, еще не успев доехать до набережной Лейтенанта Шмидта. Иннокентия пришлось отпустить, а Потемкину полковник лично показал, как в материале навести тень на плетень. Показал настолько убедительно, что молодой опер чуть было сам не поверил в полную невиновность Кеши. В результате была сочинена (а точнее, практически продиктована) выжимающая слезу дотошнейшая справка, заканчивавшаяся сакраментальной фразой: «...не представилось возможным». Уже собравшись было уходить из отделения, Виталий Петрович задержал взгляд на Уринсоне — Борис почему-то выглядел менее возбужденным успехом, нежели просто излучавшие азарт Потемкин и Ткачевский.

¹ Не грозит высшая мера наказания. Одновременно это цитата из кинофильма «Место встречи изменить нельзя».

— Чего такой кислый? — поинтересовался полковник.

— Депрессия, — пожал плечами Уринсон. — Вялость всю неделю... Бывает, товарищ полковник... У меня жена — художница, у нее через неделю выставка в Варшаве, так тоже дома — сплошные нервы... Ничего...

— Нет «чего»! — рявкнул вдруг Ильяхин.

Потемкин вздрогнул, схватил переполненную окурками пепельницу и побежал ее вытряхивать почему-то на улицу. Виталий Петрович между тем скомандовал Уринсону:

— Открой-ка сейф!

— Мой?

— Так... приплыли. А чей еще, муж художницы?! Борис быстро открыл свой сейф.

— Так, четвертое снизу дело — мне!

Уринсон выкинул папку, и полковник раскрыл оперативно-поисковое дело по факту разбойного нападения на гражданку Корзун Н. Я.

В нехорошей тишине зловеще шелестели страницы.

— Ага... Гражданка Корзун... сняли полупальто, серьги... Помнишь?

— Само собой, — бормотнул Уринсон. Ильяхин кивнул:

— Я не спрашиваю тебя, почему так мало бумаг... Я сам знаю — почему. Я даже не говорю, что все бумаги, которые есть, — липа. Нет проблем! Расскажи-ка ты мне, касатик, приметы похищенного. Весь список назубок!

Борис округлил глаза:

— Откуда же я все приметы...

— Конечно! Откуда приметы! Завтра на рынке кто-нибудь продавать ее серьги будет, а откуда же приметы у твоей агентуры?! А?! Когда в отпуск идешь, депрессия?!

— Че-через п-пять дней, товарищ полковник... Мы же с женой на ее выставку в Варшаве собирались...

— Это хорошо, что на выставку, — потер ладони Виталий Петрович, и вправду будто обрадовавшийся. — Значит, билеты уже купили?

— Так точно! — в ужасе пискнул Уринсон.

— Чтобы кончилась депрессия и началась жизнь — свой билет завтра сдашь к фене с едреней! Вечером сегодня разосрешься по этому поводу с женой-художницей! Меня можешь козлом назвать раз двадцать, но не более! Смотри — проверю! Диван у вас в кабинете есть? Ну вот и славно! Значит, перетопчешься, ежели она тебя выгонит! Чай не на полу, как мы — лет двадцать назад. Раздобудешь подножного корма, не последним человеком станешь! Глядишь — и депрессии нет, и жить охота! Не слышу?!

— Будет исполнено! — вытянулся еще больше по стойке смирно опер, хотя дальше, казалось бы, уже было некуда.

— Конечно, будет! — рыкнул Ильюхин. — Еще бы не было! А как раскроешь разбой — ко мне с рапортом на отпуск. И — в костюмчике к жене на выставку. А там — эстеты и эстетки смачные... Красота! Кстати, гражданка Корзун может быть родственницей солдата Корзуна, героя Родины, чьим именем в нашем городе названа целая улица. Сечешь? Так что — повнимательнее. Ну что, пошел я? Ткачевский, найдешь мне машину? И вообще, милые мои, у меня от вас дырка в носке проделалась!

Последнюю фразу, разумеется, никто не понял. А Виталий Петрович, отбывая в главк, с удовлетворением отметил, что мешавший ему в ботинке шов куда-то подевался сам по себе...

Добравшись до своего кабинета, Ильюхин дал в сводку раскрытие убийства на Суворовском, вписав в нее Ткачевского и Уринсона с Потемкиным. Себя вписывать не стал. На основании этой сводки позже можно будет сделать приказ о поощрении оперов. Виталий Петрович вспомнил молодых офицеров и улыбнулся: когда он был молодым, его драли еще нещаднее. Впрочем, тогда и время было другое.

Хорошее настроение Ильюхин сумел сохранить недолго. Ему снова вспомнилась утренняя история с топорной

попыткой «разработки» Юнгера. Полковник нервно закурил губу: «Так все же сказать Крылову? Или...»

Так и не приняв окончательного решения, Ильюхин пошел искать Петра Андреевича. Кабинет Крылова был пуст, и Виталий Петрович после недолгих поисков обнаружил коллегу у «убойщиков». Это слегка удивило Ильюхина, потому что в принципе «убойщиков» курировал он, так же как Крылов — «разбойников». И, несмотря на то что такое разделение сфер ответственности никем не формализовывалось, залезать на чужую «территорию» было не очень принято... Разумеется, вслух Виталий Петрович ничего не высказал. Он просто наблюдал, как запаленный Крылов нервно прохаживался по кабинету, где работали два опера. Между ними в вальяжной позе сидел задержанный. Опера неуклюже пытались продолжить беседу в присутствии начальства. Подозреваемый в убийстве ублюдок ухмылялся. Не обращая внимания на вошедшего Ильюхина, Крылов вдруг подскочил к задержанному и резко схватил его сзади за волосы:

— Ну, сука, что самое главное на этапе?! А?! Главное, опарыш, это уметь часами сидеть на корточках! Сука! Я лично прослежу, чтобы тебя, гниду, к морю Лаптевых услали! Лично!

Крылов коротко глянул на одного из оперов и резко скомандовал:

— Фото девчонки!

Незаметно материализовавшийся в кабинете начальник отдела умудрился откуда-то проворно выхватить фотографию убитой неделю назад девушки. На снимке была изображена распоротая и разорванная надвое грудная клетка. Петр Андреевич сначала смачно прилепил фотографию на лицо задержанному — чтоб глазами в самое распоротое нутро, — а потом начал засовывать снимок в рот подозреваемому, завизжавшему в голос, когда у него треснула губа.

— Узнаешь, мразь? Да?! Да?! Лично отъебу! Это моей соседки дочка!! Да?!!

Подозреваемый мелко затрясся и закивал. Крылов понял, что сломал его, и спросил уже чуть спокойнее:

— Сейчас все-все расскажешь оперу. Да?

— Д-да-а...

— Пададь, может, будешь жить...

С дистанции в два сантиметра Петр Андреевич плюнул в лицо подозреваемому и при этом сам немного замарался. Крылов достал платок, утерся и вышел из кабинета, нервно закуривая.

В коридоре его подждал уже закуривший Ильюхин. Виталий Петрович видал всякое, но эта сцена его не то чтобы шокировала, скорее неприятно удивила. Очень неприятно.

— Что, Петр Андреевич, действительно соседкина дочка? — негромко спросил Ильюхин, сам, конечно, не веривший в положительный ответ, но все же уцепившийся за возможность «личного момента», объяснявшего такую повышенную эмоциональность поведения Крылова.

Петр Андреевич резко вскинул глаза на коллегу:

— А? Нет, конечно... Достало просто смотреть, как они с ним чикаются. Не опера, а понятия... полублатные... и этот... Тоже мне — убивец. На Руси скоро ни одного правильного кандальника не останется, одни опарыши... А с ним сю-сю-сю... Разваливать его до жопы надо, он гнилой весь! Раз-ва-ли-вать! Быстро и красиво!

— Ну да, — все еще пытаясь свести собеседника на улыбку, мягко сказал Ильюхин. — Как в любимом «разбойном» отделе?

— А чем тебе мои хлопцы из «разбойного» не нравятся? — вызывающе дернул подбородком Крылов и, не дожидаясь ответа, удалился, словно каменный гость.

Ошарашенный Ильюхин долго смотрел ему вслед. Неуверенное желание поговорить с Петром Андреевичем о Юнгерове уверенно улетучилось. Виталий Петрович припомнил вдруг разом шепотки, давно уже ходившие по главку, о специфических методах работы Крылова и

его команды. Раньше Ильяхин резко обрывал такие шепотки, а сейчас вдруг вспомнил их сам и подумал: «Крылов и его команда... Он ведь совсем недавно перевелся, а у него, действительно, команда...»

Полковник ссутулился и побрел к себе в кабинет. Настроение упало напрочь, хотя ничего принципиально нового для себя Виталий Петрович не увидел. Но, как говорится, одно дело догадываться, что жена изменяет, и совсем другое — видеть, каким именно образом. Ильяхин как-то вдруг разом прозрел, понял внутреннюю суть Петра Андреевича: «Крылов сам блатной, только он все силы кладет на явную нечисть. Но кладет он эти силы не для того, чтобы ее не было возле людей, а чтобы она, нечисть эта, не позорила честных жуликов! Вот дошло, так дошло... Ну да, конечно же! А я все не мог понять, что мне крыловские манеры по сути своей напоминают! Самого знакомого — и не признал. Потому что считал это невозможным изначально. А Крылов — он словно вырос в лагере! Психологи сказали бы — система пап и мам...»

Из кабинета в коридор выскочил сияющий опер и натолкнулся на дотягивавшего сигарету у урны Ильяхина:

— Все рассказывает, упырина, даже почему грудную клетку вскрыл! Это же кем надо быть, чтоб за полминуты расколоть такого?

— Крыловым,— хмуро буркнул Виталий Петрович и направился к своему кабинету. Он не хотел показывать оперу своего раздражения. Хотел, чтобы раздражение улеглось сначала, а потом бы он уже спокойно поговорил с операми-«убойщиками» за жизнь и за «особые методы-с» Петра Андреевича. Ильяхин понимал, что разговаривать надо, но при этом понимал и необходимость тщательно продумать такой разговор, чтобы он не выглядел проявлением какой-то начальственной ревности. Ведь стремительные «кавалерийские наскоки» Крылова импонировали в первую очередь как раз молодым. В молодости всегда хочется быстрого и убедительного результата. Крылов такие результаты и давал, постепенно

превращаясь в легенду. А легенду не уважают, легенду поднимают как знамя, на котором не замечают ни грязи, ни прорех... Да и к тому же — ведь в данном, например, случае — Крылов действительно надрывался за объективное добро...

...Уже совсем к позднему вечеру Виталий Петрович наконец успокоился и полистал показания расколотого Крыловым задержанного: «...затем я туристическим топориком вскрыл грудную клетку незнакомой мне девушки, а затем разломил ее грудную клетку и вывернул...» Дело действительно было необычным.

«Интересно,— подумал Ильюхин,— что сделал бы Крылов с этим негодяем, если бы мог? Если бы абсолютно точно знал, что никак и ни в какой сфере от этого не пострадает? Прокусил бы ему сонную артерию и вышил всю кровь? А может, так и надо с такими мразями?.. Может, это правильно?» Многие вопросы, которые Ильюхин в тот вечер задавал сам себе, так и остались без ответа...

А следующий день был Днем милиции. Праздник 10 ноября в России отмечается шумно и отчасти даже всенародно. И ведь действительно концерт, который показывают в этот день по телевизору,— очень интересный, как правило. Правда, многие сотрудники смотреть его уже не могут, потому что 10 ноября почти во всех подразделениях с самого утра — бесконечные движения, звонки, улыбки и рукопожатия. Все добрые и веселые. С обеда уже начинается «по чуть-чуть». К вечеру — сабантуйчики, сдвинутые столы в кабинетах или заказанные залы в кафешках. А как же иначе? Праздник же...

И так случилось в тот раз, что в конце всех этих приятных движений Ильюхин и Крылов очутились за одним столом, притом — рядом друг с другом. Полковники к такой «рассадке» не стремились, но и не сопротивлялись этому. Просто так вышло.

Пошли тосты — некоторые были даже игривыми и оригинальными. Начались беззлобные товарищеские поддевки и рассказы баек. Было тепло, шумно и хорошо.

Пел какой-то ансамбль, сотрудники танцевали — и правильно делали.

Ильюхину все время казалось, что Крылов хочет что-то сказать ему, не то чтобы извиниться за вчерашнее (да и за что извиняться?), но... Поэтому он совершенно не удивился, когда Петр Андреевич тихо прошептал:

— Слушай, Виталий Петрович, давай заедем в спокойное место — по рюмке... А? Ты ведь, наверное, тоже подустал?

Ильюхин не колебался:

— Петр Андреевич, а я согласен.

На служебной машине Ильюхина они быстро домчались до гранд-отеля «Европа», где давали хороший кофе, а официантки беззвучно парили между столиками. За рулем, естественно, был Паша Юртаев, который в этот день специально и с вызовом нарушал все правила, какие только мог нарушить. Ильюхин на его художества не отреагировал даже словом.

Крылов это оценил. Надо сказать, что за все время совместной службы Петр Андреевич впервые ехал на машине Виталия Петровича...

Они присели за столик в уголке огромного зала, именуемого «Мезонином», — только успели развалиться в креслах, как неподалеку уже примостился Рахимов, которого иногда называли тенью Крылова. Капитан Рахимов при Крылове выполнял функции то ли адъютанта, то ли офицера для специальных поручений. Видимо, он сопровождал машину Ильюхина. Ну да, конечно, ведь потом он повезет Крылова куда-нибудь еще. У Рахимова было умное восточное лицо, Ильюхин бы инстинктивно не стал доверять человеку с таким лицом. Оно было таким... Вот если бы кто-то сказал про человека с таким лицом, что он умеет метать нож, то все поверили бы. А Рахимов, может, и умел. Но его не спрашивали. А сам он о себе говорил чрезвычайно мало...

Полковники за общим праздничным столом выпили совсем немного, начальству ведь нельзя лакать при всех,

а потому были они почти трезвыми и чуть собранными. Воздух над столиком загустел. Первым начал Крылов, не дождавшись даже, когда принесут кофе и водку:

— Ты мне ровня. Я это уважительно, ты знаешь. Выяснять отношения не из-за чего. В дружбу я не набиваюсь — не так заточен. Посему — поговорим?

— Поговорим, Петр Андреевич.

— И тебе это тоже надо? — специально подчеркнул «тебе» Крылов.

— И мне это тоже надо, — спокойно ответил Ильюхин.

Они напоминали двух рыцарей, поднявших забрала. В этот момент официантка принесла водку, кофе и какие-то маленькие бутербродики. Полковники чокнулись рюмками, но тост произносить не стали. Крылов проглотил водку легко, словно воду, и не стал ни закусывать, ни запивать:

— Так вот!

Это «так вот» полковник произнес так, будто scomандовал: «От винта!» Ильюхин еле сдержал улыбку — абсолютно сейчас неуместную. Крылов покосился на коллегу и продолжил:

— Ни разу ты мне и моим людям не ставил палки в колеса. Не вмешивался, даже когда мы перегибали палку — если иной возможности не было. Я все это вижу. Я не кланяюсь, но готов протянуть руку и в трудную минуту, и просто так. Но я чую своей лагерной чуйкой, что ты не хочешь быть со мной вместе. И своим любимчикам (в хорошем смысле этого слова) тихонько и тактично советуешь не сближаться, а... максимум — следовать параллельным курсом... Может, я не совсем те слова нахожу, но... Но ты понял, что я хочу сказать?

— Понял, Петр.

Крылов крякнул и разлил водку уже не в рюмки, а в стаканы, поставленные для минеральной воды, потом поднял свою посудину и глянул на Ильюхина в упор:

— Ты — мужик. Так ответь мне прямо, и пусть мне будет неприятно — но если я увижу свою неправоту, то искренне извинюсь. Будем.

Они выпили, одновременно закурили, а потом Виталий Петрович усмехнулся жестко и негромко начал говорить:

— Извиняться лично передо мной тебе не за что. А про остальное... Что ж, я постараюсь тебе ответить честно. Ты появился у нас недавно, но не случайно. И ты достойно занял свое место. Трудом! Подчеркиваю это. Сколько ты мразей задавил — я знаю. У тебя талант, нюх. И они тебя чувят — как бандерлоги удава. Но вот что меня внутри царапает: в тебя намертво въелись выпшки, запретки, вертухаи и шмоны. Твое самосознание — очень национально-таежное. Ты играешь по правилам чуть ли не пятидесятих годов. Ты редкий и талантливый (я не льщу) представитель лагерной цивилизации. Ты охранник, точнее — охранитель этих моральных лагерных ценностей. А если надо будет, то не только охранник, но и палач. И ты считаешь, что у тебя есть на это моральное право, поскольку предан «делу Ленина — Сталина» и даже готов умереть за него. Понимаешь, о чем я? Разумеется, дедушка Ленин и папа Сталин здесь ни при чем, я не об их идеях, а об их механизмах. Понимаешь?

Крылов медленно кивнул, темнея лицом, и Ильяхин продолжил, незаметно для самого себя чуть повысив голос:

— Ты — хозяйский. Но каждому хозяину¹ необходим Хозяин. Ужас хозяина — от ночной бессонницы, а бессонница — от боязни проспать звонок Самого! Так ведь страна жила? Я ничего не преувеличиваю? Ты любишь строй. Тот, который шеренгами шагает в будущее. Нет коммунизма на горизонте? Нет проблем — ты перестроился и все силы вложил в уничтожение упырей, которые мешают скорейшему наступлению светлого капиталистического завтра. При этом жулье для тебя — социально близкие, а те, кто на детей члены поднимают, — социально далекие. Их ты не считаешь за людей. Как троцки-

¹ Хозяевами называют начальников колоний и начальников тюрем.